

Write_right

Запретная роза

книга-игра

Версия текста: 1

Книги-игры и интерактивные рассказы

<https://quest-book.ru>

1

Бессонница. Я сидел у окна и пил, слушая поток болтовни из телевизора. Не захотел слушать аудионаркотик, хотя потребность усилилась. Опять уплывать из реальности... Хватит. Сегодня со мной будет только электронная «бутылка» со вкусом пива.

Начались новости.

- Выключить бессмысленный ящик — (32)**
- Посмотреть телевизор — (37)**

2

По мере того, как пусть заводил дальше, торты всё больше становились похожими на пищу, а не на затвердевшую блевотину. Я уже почти передумал украшать розой одно из этих убогих карикатур на произведения кулинарного искусства, но не хотел отступить, зайдя так далеко. Ведь решился на единственный поступок в жизни, не продиктованный мне законами и устоями общества. На первый МОЙ поступок.

Отвращение и злоба заменили вдохновение. Мрачная решимость фаталиста подвинула оптимистическую уверенность. Пытаясь унять их, я подошёл к концу ленты, едва замечая препятствия в неверном свете маленького фонарика. Здесь лента останавливалась и готовые торты выстраивались в ряды, будто гвардейцы в шеренги.

Я выбрал самый большой торт и с остервенением сломал его замысловатое украшение, разбросав съедобных зверушек. Пятью минутами ранее я бы облизал руки, будь они в нежном креме. Но вспомнив, из чего это сделано, решил вытереть о штаны.

Представляю, насколько выразительным было отвращение на моём лице.

Раньше хотел просто положить розу на торт, но она не поместилась — торт попался довольно узкий. Я воткнул её в самый центр той мерзости, что именовалась тортом. Цветок вонзился в податливую массу и остался стоять. Я развернулся и неторопливо пошёл к выходу из цеха.

Я хотел, чтобы роза возлежала на торте, как бриллиант в королевской короне — прекрасное дополнение, подчёркивающая достоинства оправа. Поражающее взгляды украшение, превращающее рядовую вещь в произведение искусства. А она, проткнув насквозь пищевую подделку и оставив шипами рваную рану, осталась гордо стоять.

Гордячка. Прямая и высокая, ярко-красная сверху, роза была похожа на дорожный знак, предупреждающий об опасности. Она предупреждающе стояла посреди ненастоящей пищи и искусственного мира, эта неповторимая и живая роза.

- Пора уходить — (28)**

3

Отперев дверь, вошёл в свою обитель.

Одновременно такая полюбившаяся и уютная... но такая приевшаяся и тесная.

Войдя на кухню, я понял, откуда на крыше стоял второй вертолёт Службы — он доставил мне моё «наказание» и средство перевоспитания.

Назначенная приёмная дочь уже была здесь, рыская по кухне в поисках пищи.

Опрятная крошечная девочка, с тёмными волосами и в платице. Она взглянула на меня и спрятала за спиной ручки, испачканные в шоколаде.

— Привет, меня зовут Тирам Снайдер, — сказал я как можно дружелюбнее.

— Привет, я Тоборя, — её голос показался тихим и глухим.

— Забавное имя. Ну, теперь ты Тоборя Снайдер, насколько я понял. Есть хочешь?

— Да.

— Сейчас нарежу салат, погоди.

Достав овощи из верхней морозильной полки, я принялся их сосредоточенно нарезать. Вспомнив ту жидкую, светло-зелёную синтетическую гадость, из которой состоят торты, я остановился. Эти огурцы наверняка сделаны из того же. Как я смогу кормить новоявленную дочь этим дерьмом?

Увидев, что я замешкался, Тоборя сама взяла нож.

— Тирам, можно я сама себе сделаю?

— Нет, стой! Я сам, положи нож!

Испугавшись, что она может порезаться, я попытался забрать опасный предмет из её рук. Совершил слишком резкое движение и случайно подтолкнул руку с ножом. Тоборя пошатнулась. Кромка лезвия понеслась в сторону девочки.

○ **Боль** — (24)

4

Я разозлился и пошёл в контратаку:— Вижу, ты в этом спец. А откуда ты знаешь, как настоящие цветы должны выглядеть? Может, нюхал, покупал? Или даже выращиваешь? Думаешь, Полиция Пресечения не задаст тебе эти вопросы?

Охранник тут же стушевался и беззвучно зашевелил ртом, пытаясь собраться с мыслями. Я, уже будучи уверенным в победе, вежливо послал его и пошёл дальше. Хорошо, что роботизированную охрану пока что используют только ночью. Машину я бы вряд ли обвёл вокруг пальца.

Вооружившись гаечным ключом, отвинтил часть металлической стенки, отделяющей «человеческую» часть цеха от той, где велось производство. Часть, в которой люди обслуживают машины от части, в которой эти машины создают людям пищу. Так кто же из нас кому принадлежит? Может, мы — собственность устройств, если так от них зависим?

Металлический стон вскрываемой стены показался мне почти человеческим. Вот я и в святая святых производства — здесь бывают только инженеры, да и те постепенно заменяются Автоматическими Ремонтниками. Я же в этой части, ясное дело, никогда прежде не бывал.

○ **Вперёд** — (46)

5

Естественно, никто не позволил бы нам просто добавить розу в список украшений и положить в корзину для ингредиентов. Программа просто не предусматривает такие варианты. Впрочем, большая часть работников — тоже.

И, как выяснилось, беспокойство насчёт Вишну было излишним — он не сдал меня и не вызвал Полицию Превентивного Пресечения. Друг отвлек большую часть коллег, подбив их пойти всей гурьбой к боссу в кабинет и требовать, чтобы им тоже увеличили премиальные. Дескать, я их заслужил не больше, не они. Заодно отвлекли и босса, лишив его времени следить за цехом с помощью видеокамер.

Чёрт! Навстречу идёт один из самых неприятных охранников. Подозрительно посмотрев на меня, он окликнул:

— Тирам, ты чего здесь болтаешься?

— Увольняюсь скоро. Гуляю вот, предаюсь ностальгии, — абсолютно спокойно ответил я.— Понимаю, — сочувственно сказал он, но тут же заметил пакет. — А это что у тебя? Дай взгляну. Что?! Цветок? Откуда?

— Не переживай, это искусственный, — отмахнулся я.— Да что ты говоришь? — прищурился охранник. — Не верю, скотина. Это же настоящий. Я вызываю группу задержания, а ты даже не пытайся сбежать. Приём, это шестой! Приём!

○ **Что делать?** — (65)

6

Аудио в ушах. Я хочу получить дозу удовольствия, но, вместе с тем, мне претит мысль об этом. Так и не понял — то ли переборол себя, то ли поддался слабости... Но я включил наушники.

Жду. Прибор должен значительно расширить моё восприятие частот — он покажет возможности диапазона, в разы превышающего границы слышимости в обычных условиях. Первые десять-двадцать секунд я лежал без движения, не понимая, что происходит. Ибо не происходило, ровным счётом, ничего. Уже собрался было разразиться ругательствами и идти обратно в магазин, когда услышал даже не звук, а еле ощутимую вибрацию воздуха.

Было что-то в этом звуке на грани слышимости, он заставлял замереть и вслушиваться... Вслушиваться... Когда я был уже предельно сконцентрирован на тихой вибрации и старался услышать каждое колебание, грянул гром. Меня затрясло так, что зашаталась кровать. Аудио разразилось пронзающими душу звуком, то сжимая голову в точку, то взрывая её с силой в мегатонну, разбрасывая и размазывая границы моего восприятия по стенам квартиры. Звук поднимался надо мной ядерным грибом и с огненным воем падал, словно терпящий крушение дирижабль. Лавины обрушивались на меня с вершин высоких частот. Будто из-под земли, било по мне гулкое и басовитое землетрясение. Я свалился с кровати и катался по полу с пеной у рта и выпученными глазами, не в силах ничего сказать или выключить прибор.

Слабо осознавал, что даже если буду кричать — не услышу собственного голоса, но я всё равно молчал. Я не мог нарушить это, в равной степени, прекрасное и жуткое мгновение, эту выверенную математиками, музыкантами и психологами симфонию. Она водопадом неслась сквозь мою голову, вырывалась гейзерами из глубин восприятия и окутывала мантией протяжных звуков.

Прошло часов пять, когда Аудио разрядилось и, отыграв последние мелодии, отключилось.

Я остался наедине с тишиной. Лежал и вспоминал эти ощущения. Какой-то мучительный экстаз. Вот оно, экстремальное удовольствие. Наслаждение перешагнуло черту, за которой начинается боль. Семь кругов рая.

○ **Вытянуть затычки** — (29)

7

Рядом с ним стоял солидного вида мужчина в белом костюме и с сигарой в руке. У него был аккуратный вид и пронзительный, твёрдый взгляд. Они с подпольным барыгой казались абсолютными противоположностями. Некий господин что-то втолковывал продавцу и отреагировал на моё появление сдержанной улыбкой.

Я обратился не к своему старому знакомцу в куртке, а сразу к джентльмену в костюме:— Здравствуйте. Готов оплатить.

— Прекрасно. Значит, это вы заказали розу? — медленно, с ленцой в голосе, произнёс господин. Барыга молчал: видимо, перебивать мужчину с сигарой ему не хотелось.

Я хотел сказать «Кто же ещё, чёрт возьми?», но я не смог дерзить этому человеку. Было в нём что-то, что заставляло если не лебезить ему, то хотя бы соблюдать предельную вежливость. Поэтому, я сумел сказать лишь:

— Да, конечно.— Положите пакет с оплатой на пол и идите себе домой.

— Прошу прощения, не посчитайте хамством, но где и когда я могу забрать свою розу?

— Вы поймёте, — он докурил сигару и достал ещё одну. Откуда у него столько? Почти все их видели только по телевизору. Запах сигары, заполонивший всё тесное помещение, показался мне гадким. Я думал, если уж они являются таким редким и ценным товаром, то в них и запах должен быть прекрасен.

— Хорошо, — ответил я и тут же задал встречный вопрос. — Могу ли я спросить вас ещё кое о чём?

— Валяйте.— Зачем вы это курите? От них ведь жуткий запах, от которого воротит нос... И вкус, думаю, не лучше. К тому же, их достать невероятно трудно, разве оно того стоит?

Он выпустил пару колец дыма, едва усмехнулся и произнёс:

— Видите ли, дорогой друг. Есть приторно-сладкие вещи, которые всем угождают, они вкусны и приятно пахнут, от них нет аллергии и их прямо-таки суют вам в руки в каждом магазине. Вы смотрите на них на каждом пятом уличном плакате. Их старательно создавали с единственной целью — чтобы вам понравилось. Это стандартные потребительские товары.

После этих слов, хмырь достал из кармана электронную сигарету и обречённо на ней посмотрел. Джентельмен продолжил:

— А есть шедевры. Неважно, природные или вещи ручной работы. Они имеют свой, особенный вид, вкус и запах, не для всех и каждого. Они не рекламируются с отчаянным рвением и не угождают каждому встречному потребителю. Они для ценителей, знатоков, которые будут любить их за то, что они именно такие. Это вещи с душой.

— И знаете, что ещё важнее? — сказал господин после краткой паузы. — Всё, что я сейчас сказал, верно и в отношении людей. Стандартные потребители и люди ручной работы.

— Не уверен, что понял вас.

Джентельмен возвёл глаза вверх и вздохнул.

— Вы должны меня понять, вы ведь такой же, — сказал он и голос почему-то был очень убедителен. — Вы купили живой цветок, который скоро завянет и лишится былой привлекательности, он издаёт еле ощущаемый аромат, который и в подметки не годится ярко выраженному, приятному запаху нынешних искусственных цветов. А ещё у него, только представьте себе, есть шипы, о которые можно пораниться!

— Но это роза и она по-своему прекрасна, — продолжил за отвлёкшегося на сигару господина торгош. — И вы купили её, несмотря на то, что искусственный цветок сильнее пахнет, не вянет и не имеет шипов.

— Кажется, до меня дошло. Частично. Спасибо, господин, теперь я сам чуть лучше понимаю мотивы своих действий. Но, всё-таки, где мой заказ?

— Я вам, молодой человек, уже сказал — вы поймёте. А теперь извольте не воровать у меня ещё больше моего времени, — ответил он, прибавив голосу нотку раздражённости.— Ах да, конечно. Извините, до свидания.

— Ни в коем случае не «до свидания». Прощайте, Тирам Снайдер. Прощайте.

○ Уйти — (20)

8

Варда печально склонила голову, беспорядочно рассыпав по плечам пряди волос. Она горячо зашептала:

— Ты всегда выбирал украшения для своих тортов из Списка искусственных, обязательно съедобных и не запоминающихся калорийных штук... Но задумывался ли ты о чём-нибудь, дышащем живой прелестью? О настоящем среди одинаковости и приевшейся приторности?

Я оторопел.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы в тебе очнулся человек. Проснулся кто-то, кроме существа для обслуживания машин, — серьёзно ответила девушка. — Чтобы и во мне ты увидел человека. Кстати... Варда значит роза, а я ни разу не видела живого цветка.

Она поцеловала меня в щёку, едва коснувшись губами, попрощалась и ушла.

Девушка толковала о живом, прекрасном и настоящем, а её имя значит роза. Только дурак не поймёт, как завоевать благосклонность этого чуда. Но, чёрт, настоящий что-ли цветок?! Девушка знает себе цену. Его будет проблемно достать...

○ **Я знаю, что делать** — (55)

9

— Сдаюсь... — произнёс я и поднял руки, чтобы выиграть лишнюю секунду. Хмырь опустил пистолет. Я встряхнул головой, отгоняя страх. Последним, что видел перед тем, как резко развернуться, были широко удивлённые глаза хмыря и пистолет, который он уже поставил на предохранитель. Ещё пара секунд.

Я опрометью бросился к двери.

Эти несколько секунд слышал только отрывистое дыхание и топот собственных ног. Лихорадочное сопение и гул башмаков по бетону заполнили меня, стали всем моим миром.

Я добежал до двери и схватился за ручку.

○ **На себя!** — (12)

— Рассказывай.

— В общем, — рассеянно начал говорить Вишну, когда удостоверился, что мы отошли как можно дальше от всех уличных микрофонов. — Мне надоело чувствовать себя собачкой на поводке. Я захотел во что бы то ни стало узнать, как на самом деле работает наша фабрика. Не зря же производство скрывают даже от нас, работников!

— Что-что ты сделал? — переспросил я, округлив глаза.

— Ну да, решил проникнуть в производственную часть нашего цеха, которая находится под контролем Авто-Кондитера. Подбив коллег на забастовку, отвлек и их, и босса. Мол, тройную премию, как у тебя, все заслужили. Так вот, я отвинтил часть металлической стенки, которая разделяет отделы. Ну и... Пошёл посмотреть, что там.

— И что же там? — с нетерпением спросил я. До этого я даже не слышал историй о том, чтобы простые люди, не работающие с механизмами напрямую, проникали в святая святых.

— Не знаю, друг, как описать... Всё выглядело странно и чуждо. Почти весь цех занимала производственная лента с тортами, булками, желе и таким прочим. Конечной цели не было видно — она заворачивала за угол. Зато я увидел место, где лента начинала путь... И очень об этом пожалел. Меня едва не вывернуло на ленту с бисквитами.

— Почему? — изумлённо спросил я, зная, сколько разной клубнички пересмотрел Вишну, пока жена в очередной раз была беременна. Не думал, что его хоть что-нибудь может заставить тошнить.

Мой друг продолжил, всё больше превращая рассказ в гневную тираду:

— Тирам, там не еда! В ёмкости заливалась какая-то скользкая зеленовато-белая субстанция, которая после нагревания отвердевала и принимала нужную форму. Слипаясь комьями, бурля и переливаясь всеми оттенками рвоты, она выглядела просто отвратительно. Из этой гадости состояло всё — тесто, вафли, шоколад, вишни, изюм и чернослив. Точнее, то, что выдавали за тесто, шоколад и чернослив.

Вишну ещё минут пять красочно расписывал процесс приготовления пищи.

Ещё секунд десять я стоял, пытаюсь переварить мысль о том, что все ингредиенты, вся еда на прилавках — одна и та же бледно-зелёная масса после термических и ещё каких-то обработок. Что единственное блюдо, которое я в своей жизни пробовал — эта искусственная, гадкая и совершенно несъедобная с виду масса. Ну и добавки вкусовых модификаторов с красителями, само собой.

— Ну и... Не желая больше смотреть на эту жиденькую грязь, на глазах превращающуюся во вполне аппетитные вещи, я ушёл оттуда и завинтил обратно стенку. Надеюсь, коллеги или камеры не видели... Ну да ладно, вот и твой дом. Давай зайдём и просто забудем эту жуть.

○ — **Постараюсь забыть, но обещать не могу. Пойдём. — (53)**

11

Варда не взяла цветок. Она отбросила со лба тёмный локон, прошла мимо меня в квартиру и села на стул. Пришлось закрыть дверь и следовать за ней. Когда я сел напротив, упрямо протягивая девушке розу, она произнесла:

— Я... Понимаешь, Тирам, я недостойна цветка.

— Почему? — не выдержал я и вскричал. Мне таких трудов стоило достать эту чёртову розу, а она отказывается принять подарок!

— Я лишь хотела взглянуть на настоящую розу, — прошептала Варда, испуганная моим криком. — И понять, как ты ко мне относишься.

— Ну хорошо, ты её увидела. Что дальше? Варда, скажи мне — мы можем быть вместе?

— Да, если тебе важнее то, как ты воспринимаешь меня. Если примешь ту, которую видишь, а не то, что внутри. Скажу да и, возможно, мы будем счастливы... Хотя я всегда буду знать, кто я. И ты должен выбросить розу.

Хотел переспросить, ибо ничего не понял, но Варда продолжила:

— А если тебе так важна настоящая суть... То дай мне эту треклятую розу.

Выбросить розу — (43)

Отдать девушке — (66)

12

Выстрел. Вспышка боли.

Тьма.

Двоится в глазах. Вижу и помню всё очень расплывчато... Я очнулся в больничной палате. Вокруг — ни души. Казалось, левый бок моего торса лежит на раскалённых углях. Видать, туда и попала пуля. Ценой усилившейся боли приподнялся, чтобы осмотреть себя. Точно, слева я основательно перебинтован.

Зашёл мужчина в белом врачебном халате. Приблизившись, он спросил:

— Как себя чувствуете?

— Не очень, доктор. Но я не могу тут залёживаться — работа и прочие дела, сами понимаете. Когда меня выпишут?

Врач невесело усмехнулся и вышел, заперев за собой дверь. Только теперь я заметил решётки на окнах.

А рядом со мной, на тумбочке, стояла пластмассовая роза.

Сдаюсь. Я не смог не только сопротивляться, а даже поднять руки или что-нибудь сказать.

Хмырь немного посидел спокойно, а потом взорвался диким хохотом. Его громкий, неприятный и совсем не заразительный смех гулял эхом по подвалу, едва не оглушив меня. Торгаш держался за живот и пытался не упасть со стула, сотрясаясь в судорогах хохота.

А я всё стоял, ничего не понимая и не в силах что-либо предпринять. Он унялся через пару-тройку минут, продолжая хихикать, переводя дух и пытаясь произнести нечто членораздельное:

— Вот уморил, я не могу больше! Руки за голову, Тирам Снайдер, — сказал он псевдосерьёзным тоном, передразнивая сам себя, — ни с места, вы арестованы! У вас есть право на молчание, хихи. Наивный трус, — снова смех, — да кому ты нужен?

— Эээ... Что? Как? Кто вы, на самом деле?

— Пошутил я, не бойся. Не ожидал от тебя такой реакции. По поводу оплаты — просто махнуть рукой над терминалом тут, ясное дело, нельзя. Чип в твоей руке здесь бесполезен. Мои клиенты покупают что-нибудь на нужную сумму и приносят мне — а я им уже даю то, о чём они просили. Натуральный обмен. Удивлён, что ты пришёл сюда, не зная этого.

— Вот оно что, — паника начала отпускать и ко мне вернулась нормальная речь, — тогда я пойду в магазин, приобрету обменный товар.

— Покупай осторожно, чтобы не было подозрительно. Если купишь пару тысяч батареек или игрушек, станет подозрительно. И ещё кое-что — не тащи мне ничего скоропортящегося.

○ — **До скорой встречи.** — (44)

14

Зайдя в просторный, но по-спартански обустроенный кабинет, я сразу пристально взглянул в лицо босса — на нём можно заранее прочесть его настроение. Он (о, счастье!). Начальник сидел в кресле, развалившись подобно патрицию. Он чувствовал себя хозяином положения.

Интересно, насколько меняется его поза, когда приходит на проверку санитарная служба?

— Привет ещё раз, садись. Виски? Настоящий, не симулятор.

Я не смог отказаться. Я прежде никогда не пил настоящего виски, да и хоть какой-нибудь настоящий алкоголь мне удавалось раздобыть два или три раза.

— Да, спасибо, если можно — без льда и колы.

Босс вслепую достал из-под стола бутылку с какой-то бело-зелёной жидкостью и надписью Универсаль-Материал. Пробная партия. Заметив оплошность, он торопливо спрятал бутылку обратно и достал стоявший рядом графин с виски. То, что он случайно достал, явно не было предназначено стороннему наблюдателю. Начальник налил в оба стакана, пригубил и продолжил:

— Не зная исходного рецепта, ты синтезировал продукт новым способом, занимающим меньше времени. С твоим алгоритмом наш цех крепко займёт лидирующее место по производству. Мы ведь можем даже не раскрывать рецептуру — пусть остальные фабрики делают по старинке и отстают от нас. Босс хихикнул и с удовольствием отпил из стакана. По моему мнению, виски того заслуживал. Хоть на вкус он был тяжеловат, но напиток оказался с характером. Одновременно мягкий, когда катаешь капельку на языке, и сильный, когда делаешь солидный глоток. Начальник продолжил:

— Все кондитеры цеха заслуживают премию, но ты... Заслуживаешь особенно, — начальник поднял бокал вверх, поздравляя меня. — Соответственно, получишь куда больше. Думаю, около трёх стандартных зарплат. Поздравляю. Всё, иди, тебя небось семья заждалась.

Не оказавшись способным сказать ему, что живу в одиночестве, я ограничился словами благодарности. Босс расстроился бы, ибо был примерным семьянином и смотрел на тех немногих, у кого семьи не было, лишь как на неполноценные ячейки общества. Пожалуй, в этом была его проблема — он видел в человеке ячейку общества, не замечая личности. Муравьи в его муравейнике, не более. Впрочем, очень прагматичный и логичный подход.

○ **Попрощаться и пойти домой — (33)**

15

Всю неделю я жил как ни в чём не бывало в своей небольшой, но неудобной квартирке.

Как и раньше, работал на несложной, но бесполезной для кого-бы то ни было работе и ждал звёздного часа, лелея свою странную мечту. К аудиодряни больше не притрагивался, задумываясь о том, чтобы продать её.

Пусть кто-нибудь другой прозябает в иллюзорной эйфории.

За эту неделю почти не говорил с Вишну. Он, как и остальные кондитеры, ужасно завидовал внезапно свалившейся на меня утроенной премии. Но ничего, это быстро забудется.

Быстро потраченные деньги встречают одобрение у людей. Необъяснимое и иррациональное одобрение. Контрастные перемены и падения вслед за взлётами настолько

же приятно наблюдать, сколь неприятно переживать.

Когда прошло ровно шесть дней, двадцать три часа и пятьдесят пять минут, я вошёл в подпольный магазинчик.

В подвале теперь были перебои в работе обеих ламп, а в куртке хмыря будто прибавилось карманов. Он сидел, как и раньше, в пустом помещении. Где же роза, чёрт возьми?

— Ты опоздал, — сказал он после полуминуты молчаливой игры в гляделки.

— Вовсе нет, я пришёл ровно через неделю, — ответил я и сверился с часами. — Минута в минуту, если хочешь знать.

— Наивный. Опоздал на полминуты, время опять сократили.

— Сократили время? Что ты несёшь, полоумный?

— Раз в полгода-год на всех часах немного сжимаются единицы времени, чтобы у вас, у стада, было меньше времени на... а, ладно не суть. Давай деньги.

— Во-первых, как я их тебе отдам? Если ты вдруг забыл, расходы фиксируются и декларируются. А я не хочу, чтобы меня уличили в покупке контрабанды.

— Да ты и не смог бы просто так купить, болван, — с этими словами торгош сплюнул на подвальный пол, впрочем, не делая его намного грязнее. — Как бы я продал розу, которой нет ни в одном списке товаров?

— Что же тогда делать? Или... Ты меня обманул, сукин сын! Это ты подставная утка, верно? Полиция Превентивного Пресечения, наверное, уже за дверью. И что же меня ждёт, господин инспектор незаконной торговли? — я говорил громче, стараясь хоть немного придать голосу уверенности, ведь не на шутку перепугался. Не зря же гласит каждый десятый плакат на улице: «Замешан в тёмных делах — вся жизнь под откос!».

Я затравленно оглянулся в поисках путей отхода — но бежать было некуда, вход и выход здесь один. Я попался.

Хмырь достал из кармана куртки пистолет, злобно ухмыльнулся и неторопливо произнёс:

— Вы арестованы, Тирам Снайдер. Медленно положите руки за голову. Сами знаете, сопротивляться было бы глупо.

Я всегда очень боялся провиниться перед законом — и вот теперь, когда провинился, страх парализовал меня, конечности онемели и превратились в бесполезные отростки.

О том, чтобы броситься на вооружённого человека, не могло быть и речи. Земля чуть не ушла из-под ног, всё тело стало ватным. Хотелось убежать, но это было бы сложно — ноги совсем отказались слушаться. Нужно преодолеть несколько метров по открытому пространству, после чего оторваться от него на улице, даже если снаружи я не окружён... В то время, как я чуть ли не теряю сознание от шока.

Попробовать убежать — (9)

Остаться и поговорить — (27)

16

— Здравствуй, Тирам, — зайдя в камеру в сопровождении охраны, поздоровался джентельмен в белом костюме. Тот самый, что продал мне розу. Что он здесь делает? — Ты думаешь, что победил или хоть чего-то добился... — сказал господин покачал головой. — На самом же деле, твои результаты равны нулю.

— Я изменил себя, — выкрикнул я, привязанный несколькими верёвками к больничной кушетке.

— Нет, — безмятежно отозвался джентельмен и достал перочинный нож. — Позволь перед казнью кое-что показать. Ведь преступник не должен погибать с лёгкой душой, верно?

Он наклонился, схватил мой палец и чиркнул по нему ножом.

От неожиданности я вскрикнул, ведь за все 32 года жизни не получил ни одной раны. Надо же умудриться сделать это на последних минутах жизни!

Спустя секунду я уже не мог издать ни звука. Крик застрял в горле, встав там холодным комом ужаса.

Из моего пальца, вместо крови, текла скользкая бледно-зелёная жижа.

17

Поставив розу в воду, мы переждали денёк. Сегодня на нашу фабрику приезжают из телевидения — будут хвастаться достижениями пищевой отрасли. Босс проговорился, что лента с тортами будет выезжать на камеру в прямом эфире. Лучше и не придумаешь.

Естественно, никто не позволил бы нам просто добавить розу в список украшений и положить в корзину для ингредиентов. Программа просто не предусматривает такие варианты. Впрочем, большая часть работников — тоже.

Нужно проникнуть внутрь цеха, к началу ленты. Когда все сотрудники побежали встречать гостей из телевидения, я пошёл в обратную сторону.

Чёрт! Навстречу идёт один из самых неприятных охранников. Подозрительно посмотрев на меня, он окликнул:

— Тирам, ты чего здесь болтаешься? — Не люблю внимание, — спокойно ответил я. — А по ящику на меня знаешь, сколько народу смотрело бы?

— Понимаю, — сочувственно сказал он, но тут же заметил пакет. — А это что у тебя? Дай загляну. Что?! Цветок? Откуда?

— Не переживай, это искусственный, — отмахнулся я.

— Да что ты говоришь? — прищурился охранник. — Не верю, скотина. Это же настоящий. Я вызываю группу задержания, а ты даже не пытайся сбежать. Приём, это шестой! Приём!

○ **Что делать?** — (4)

— Ага, — только и выдохнул Вишну.

На столе стояла роза — распустившаяся, высокая, вызывающе-алая вверху и нежно-зелёная снизу. Роса лежала на её лепестках и листьях, едва касаясь, будто не была уверена, что достойна окропить своей влагой этого шахиншаха цветов. Роза выглядела в моей простецкой, невзрачной квартирке гостем из иного мира... Живого и яркого, в котором нет места серости блочных домов, искусственной пище и ненастоящему пойлу.

— Дааа... — только и смог ответить я. Будь у меня волосы, они встали бы дыбом — настолько поразило увиденное.

Постояв немного в почтительном молчании, мы поставили пакеты и сняли верхнюю одежду. Вишну открыл было рот, чтобы что-то спросить (видимо, где же я её достал), но не успел, потому что я резко выкрикнул:

— ТВОЮ МАТЬ!

— Что такое, Тирам? — переполошился Вишну.

— Роза! Бабушка! Какого чёрта?!

— Прекрати визжать, о чём ты?

— Это ваза с прахом моей бабушки! Они налили туда воды и поставили розу! — моему возмущению не было предела.

Лицо Вишну со скоростью звука стало сменять выражения веселья, почтительной скорби и непонимания происходящего.

— Сейчас всё объясню, прекрати выражать лицом столько разных эмоций, не то разорвётся, — сказал я спустя минуту, слегка успокоившись.

— Кто «они»? Что это за цветок? Он вправду настоящий или мне кажется?

— Да погоди ты, сказал же.

Я уселся на стул, выдернул банку пива из розетки и сделал глоток. Ещё около минуты сидел, наслаждаясь тем, как Вишну мучается в неведении.

○ — **Раскрою карты.** — (67)

19

Пришлось рассказать. Допросная программа выслушала и ответила, терзая мои несчастные уши:

«От имени Полиции Пресечения Преступлений и Полигосударства в целом, благодарим вас за сведения. Вы помогли расследованию с борьбе с подпольной торговлей товарами, исключёнными из Списков». Не за что, убудки. Что мне ещё было делать, оказавшись припёртым к стенке? «Учитывая это, а также то, что вас проступок не является опасным для общества, приговор — всего лишь домашний арест на полгода. Достаточно, чтобы обдумать своё поведение в социуме.

Также, проанализировав личность, мы пришли к выводу, что одиночество вам во вред и что оно было одним из катализаторов преступления.»

— К чему ты клонишь, железка?

«Вы нуждаетесь в семье, Тирам Снайдер. Дабы вам в голову, от одиночества и пьянства, больше не лезли мысли, приводящие к подобным диким выходкам. Вам назначена дочь восьми лет. Завтра она прибудет к вам из приюта.»

— Ну уж нет! Только этого не хватало.

Какой из меня семьянин?

«Если вы решите отказаться от семьи, срок реабилитационного периода будет увеличен с полугода до десяти лет».

Я снова вынужден был согласиться. Мы все идём на поводу, соглашаясь на навязанное, но дающее видимость выбора. Идём на поводу своих слабостей, самих себя. К тому же, я согласился без споров просто для того, чтобы поменьше пришлось слушать голос допрашивающей железки.

«Вы свободны. И помните — ещё один проступок и наказание будет серьезнее. К чему пугать общество, показывать людям острые шипы, давать в руки нечто, могущее навредить им? Они могут посмотреть на розу на объёмном экране — выглядеть будет так же! Им не нужно покупать цветок, ухаживать за ним, рисковать порезаться и с грустью выбрасывать, когда она завянет. Это лишённая недостатков альтернатива».

— Альтернатива или подделка?

«Через полгода мы снова встретимся и вы сами ответите на этот вопрос».

— До свидания.

«Ни в коем случае не до свидания. Прощайте, Тирам Снайдер. Прощайте».

○ Уйти — (36)

20

— Эй, счастливец! — огибая лужи и прохожих, ко мне подошёл Вишну. Как всегда, беззаботный и неопрятный.

— Доброе утро, — улыбнулся ему в ответ. Всегда приятно увидеть лицо друга.

— Что ты хочешь этим сказать? Просто желаешь мне доброго утра или имеешь в виду, что в это утро все должны быть добр...

— Прекращай говорить цитатами. Когда я услышу от тебя собственные слова?

— Когда мне найдутся слова, доселе хоть кем-нибудь не произнесённые и не записанные,

— ответил он, наверняка опять что-нибудь процитировал. — А что ты здесь делаешь? Премию зазря тратишь?

— Не поверишь: я уже успел это сделать, — сказал я без тени сожаления.

— Почему же, очень даже поверю. С деньгами всегда так — ты их либо просадишь за пару мгновений, едва успев насладиться купленными за них удовольствиями и испытывая потом лишь неприятное безденежное послевкусие... либо будешь сидеть на них как ростовщик, не в силах потратить на что-либо, кроме необходимого минимума и вовсе ничего не ощутишь от обладания ними. — высказал он на одном дыхании.

Видно было, что он давно хотел кому-нибудь излить нечто подобное, но не имел подходящего случая. У всех нас бывает чувство, когда, имея внимательного слушателя, нужно в форме псевдофилософского монолога посетовать на окружающий мир.

— Чёрт возьми, ты абсолютно прав. Вот я и иду домой, ощущая безденежное послевкусие. А ты здесь что забыл, Вишну?

— Я по этой дороге в магазин частенько хожу, пивного симулятора вот купил. Не хочешь со мной? Здесь на двоих хватит.

— В принципе, я не против. Куда пойдём? — я заранее знал ответ.

— Я бы пригласил к себе, но семья, сам знаешь. Мы им своей попойкой явно будем мешать, — сказал Вишну, сделав вид, будто жалеет, что придётся устраивать бардак, погром и апокалипсис в моей квартире, а не в его.

— Да-да, у меня всегда пусто. Удобно иметь друга-холостяка, да?

— Конечно. И я с тобой поддерживаю связь исключительно из-за постоянно пустующей квартиры, конечно же. А ты как думал?

— Иной мысли и не было, не сомневайся.

— На что премию-то потратил?— Новое Аудио купил... и ещё кое-что. О чём я предпочёл бы не упоминать на улице.

— Купил что-то, не входящее в Списки? Негодяй ты, Тирам. И преступник. И с этим человеком я работаю в одном цеху! — воскликнул он, обращаясь к небесам.

— Хватит меня изобличать, услышит ещё кто-нибудь. Или что-нибудь.

— Микрофоны систем уличной безопасности на такие фразы не реагируют, не бойся. Да и не изобличал я, а дурачился — я сам однажды провернул одну, не совсем разрешённую сделку.

— Что же это было, Вишну?

— Ты же знаешь, как я люблю удовольствия и препараты, которые их сулят. — мой коллега и товарищ расплылся в ехидной улыбке.

— Ясно-ясно, можешь не продолжать. Слабый ты человек, вот что скажу.

— Вовсе не слабый, а благодарно принимающий от жизни всё, что она мне преподносит на блюде с золотой каймой.

— В блюде с золотой каймой, как правило, лежит билет на прямой рейс в ад.

— Не будь таким скептиком, ну же! Всегда есть обратные рейсы. Кстати, пока мы не дошли... Хотел тебе ещё кое-что рассказать.

○ — **Что же?** — (10)

21

Пришлось рассказать. Допросная программа выслушала и ответила, терзая мои несчастные уши:

«От имени Полиции Пресечения Преступлений и Полигосударства в целом, благодарим вас за сведения. Вы помогли расследованию с борьбе с подпольной торговлей товарами, исключёнными из Списков».

Не за что, ублюдки. Что мне ещё было делать, оказавшись припёртым к стенке? «Учитывая это, а также то, что вас проступок являлся чрезвычайно опасным для общества, приговор — пожизненный домашний арест. Достаточно, чтобы обдумать своё поведение в социуме. Также, проанализировав личность, мы пришли к выводу, что одиночество вам во вред и что оно было одним из катализаторов преступления.»

— К чему ты клонишь, железка? «Вы нуждаетесь в семье, Тирам Снайдер. Дабы вам в голову, от одиночества и пьянства, больше не лезли мысли, приводящие к подобным диким выходкам. Вам назначена дочь восьми лет. Завтра она прибудет к вам из приюта.»

— Ну уж нет! Только этого не хватало. Какой из меня семьянин?

«Если вы решите отказаться от семьи, пожизненный арест сменится смертной казнью».

Я снова вынужден был согласиться. Мы все идём на поводу, соглашаясь на навязанное, но дающее видимость выбора. Идём на поводу своих слабостей, самих себя.

К тому же, я согласился без споров просто для того, чтобы поменьше пришлось слушать голос допрашивающей железки. «Вы свободны. И помните — ещё один проступок и наказание будет серьёзнее. К чему пугать общество, показывать людям острые шипы, давать в руки нечто, могущее навредить им? Они могут посмотреть на розу на объёмном экране — выглядеть будет так же! Им не нужно покупать цветок, ухаживать за ним, рисковать порезаться и с грустью выбрасывать, когда она завянет. Это лишённая недостатков альтернатива».

— Альтернатива или подделка?

«Вы сами знаете ответ. Даже если он неверен, озвучивать свой для меня нет смысла — всё равно останетесь при своём мнении».

— Ладно, пойду отбывать заключение. До свидания. «Ни в коем случае не до свидания. Прощайте, Тирам Снайдер. Прощайте».

○ **Уйти** — (36)

22

— Больше мне нечего вам говорить, — сказал я и сплюнул, почти попав по одному из микрофонов допросной комнаты.

— Раз так, вам назначается наивысшая мера наказания, — проскрипел робот. — Казнь будет приведена в действие на рассвете. Сейчас вас сопровождают к временной камере.

Сопровождаемый охранниками под руки (после этой новости было сложно ходить), я отправился в камеру, где тотчас же заснул.

Меня разбудил другой голос. Не слова из ржавой жестяной гортани, а нормальный голос, человеческий.

○ — **Кто там?** — (60)

23

Авто-Кондитеру и боссу ни к чему знать о том, что я собираюсь создать. Это воспоминание о том, что готовила моя мать — слишком личное и не относится к работе. Может быть, расскажу Вишну.

Я запустил терминал Авто-Кондитера в автономном режиме.

С исступлением и рвением взялся за сливки, пообещав себе восстановить тот самый рецепт. Я обязан добиться того самого умеренно-сладкого вкуса. навевающего мысли о цветах. Сделаю сливки, что издавали неуловимый аромат роз. Аромат детства.

○ **За работу!** — (71)

24

Прошло мгновение. Расширившиеся от удивления глаза Тобори целиком заполнили восприятие и всю мою сущность... Но уже через секунду я вернулся в реальность и увидел, что из-за моей неаккуратности она всего лишь порезала палец. Тоборя не заплакала. У девочки был такой удивлённый вид, будто она впервые узнала, что такое боль.

— Дай посмотрю, — сказал я, стараясь сделать тон добрым и доверительным. — Не бойся, сейчас быстро вылечим.

После взгляда на рану Тобори меня затрясло. Душу заполнил и сковал мертвенный ужас. Не уместившись во мне, ужас вырвался на волю воплем отчаянья.

Крови не было. Вместо неё из раны медленно капала бело-зелёная дрянь.

25

— Ну что же, за дело! — воскликнул я и повёл стажёрку к терминалам управления.

Честно выполняя свою работу, я всё время объяснял Варде, что к чему. Основы кулинарии, виды ингредиентов и их совместимость — рассказывал всё, приводя в практический пример то, как это делает Авто-Кондитер.

Но она оказалась плохой ученицей. Девушка всё время витала в облаках, слушая наставления вполуха. Окончив смену, мы пошли домой через парк — это была общая дорога к дому каждого.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросила она, внезапно оторвавшись от разглядывания пластмассовой травы.

— Годы обучения и кулинарной практики, — не без гордости ответил я.

Она усмехнулась, сморщив личико в ироничной гримасе и спросила:

— И всё это затем, чтобы выполнять на терминале почти механическую работу? Твои руки ничего не создают, Тирам, а разум — не созидает.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил я.

Варда приблизилась ко мне вплотную, почти касаясь телом. Она прошептала:

— Твори.

26

Рядом с ним стоял солидного вида мужчина в белом костюме и с сигарой в руке. У него был аккуратный вид и пронзительный, твёрдый взгляд. Они с подпольным барыгой казались абсолютными противоположностями.

Некий господин что-то втолковывал продавцу и отреагировал на моё появление сдержанной улыбкой. Я обратился не к своему старому знакомцу в куртке, а сразу к джентльмену в костюме:

— Готов оплатить.

— Прекрасно. Значит, это вы заказали розу? — медленно, с ленцой в голосе, произнёс господин.

Барыга молчал: видимо, перебивать мужчину с сигарой ему не хотелось.

Я хотел сказать «Кто же ещё, чёрт возьми?», но я не смог дерзить этому человеку.

Было в нём что-то, что заставляло если не лебезить ему, то хотя бы соблюдать предельную вежливость. Поэтому, я сумел сказать лишь:

— Да, конечно.

— Положите пакет с оплатой на пол и идите себе домой.

— Прошу прощения, не посчитайте хамством, но где и когда я могу забрать свою розу?

— Вы поймёте, — он докурил сигару и достал ещё одну. Откуда у него столько?

Почти все их видели только по телевизору. Запах сигары, заполонивший всё тесное помещение, показался мне гадким. Я думал, если уж они являются таким редким и ценным товаром, то в них и запах должен быть прекрасен.

— Хорошо, — ответил я и тут же задал встречный вопрос. — Могу ли я спросить вас ещё кое о чём?

— Валяйте.

— Зачем вы это курите? От них ведь жуткий запах, от которого воротит нос... И вкус, думаю, не лучше. К тому же, их достать невероятно трудно, разве оно того стоит?

Он выпустил пару колец дыма, едва усмехнулся и произнёс:

— Видите ли, дорогой друг. Есть приторно-сладкие вещи, которые всем угождают, они вкусны и приятно пахнут, от них нет аллергии и их прямо-таки суют вам в руки в каждом магазине. Вы смотрите на них на каждом пятом уличном плакате.

Их старательно создавали с единственной целью — чтобы вам понравилось. Это стандартные потребительские товары.

После этих слов, хмырь достал из кармана электронную сигарету и обречённо на ней посмотрел. Джентльмен продолжил:

— А есть шедевры. Неважно, природные или вещи ручной работы. Они имеют свой, особенный вид, вкус и запах, не для всех и каждого. Они не рекламируются с отчаянным рвением и не угождают каждому встречному потребителю. Они для ценителей, знатоков, которые будут любить их за то, что они именно такие. Это вещи с душой. — И знаете, что ещё важнее? — сказал господин после краткой паузы. — Всё, что я сейчас сказал, верно и в отношении людей. Стандартные потребители и люди ручной работы.

— Не уверен, что понял вас.

Джентльмен возвёл глаза вверх и вздохнул.

— Вы должны меня понять, вы ведь такой же, — сказал он и голос почему-то был очень убедителен. — Вы купили живой цветок, который скоро завянет и лишится былой привлекательности, он издаёт еле ощущаемый аромат, который и в подмётки не годится ярко выраженному, приятному запаху нынешних искусственных цветов.

А ещё у него, только представьте себе, есть шипы, о которые можно пораниться! — Но это роза и она по-своему прекрасна, — продолжил за отвлётшегося на сигару господина торгаш. — И вы купили её, несмотря на то, что искусственный цветок сильнее пахнет, не вянет и не имеет шипов.

— Кажется, до меня дошло. Частично.

Спасибо, господин, теперь я сам чуть лучше понимаю мотивы своих действий.

Но, всё-таки, где мой заказ?

— Я вам, молодой человек, уже сказал — вы поймёте. А теперь извольте не воровать у меня ещё больше моего времени, — ответил он, прибавив голосу нотку раздражённости. — Ах да, конечно. Извините, до свидания. — Ни в коем случае не «до свидания». Прощайте, Тирам Снайдер. Прощайте.

○ Уйти — (30)

27

Сдаюсь. Я не смог не только сопротивляться, а даже поднять руки или что-нибудь сказать.

Хмырь немного посидел спокойно, а потом взорвался диким хохотом. Его громкий, неприятный и совсем не заразительный смех гулял эхом по подвалу, едва не оглушив меня. Торгаш держался за живот и пытался не упасть со стула, сотрясаясь в судорогах хохота. А я всё стоял, ничего не понимая и не в силах что-либо предпринять. Он унялся через пару-тройку минут, продолжая хихикать, переводя дух и пытаясь произнести нечто членораздельное:

— Вот уморил, я не могу больше! Руки за голову, Тирам Снайдер, — сказал он псевдосерьёзным тоном, передразнивая сам себя, — ни с места, вы арестованы! У вас есть право на молчание, хихи. Наивный трус, — снова смех, — да кому ты нужен?

— Эээ... Что? Как? Кто вы, на самом деле?

— Пошутил я, не бойся. Не ожидал от тебя такой реакции. По поводу оплаты — просто махнуть рукой над терминалом тут, ясное дело, нельзя. Чип в твоей руке здесь бесполезен. Мои клиенты покупают что-нибудь на нужную сумму и приносят мне — а я им уже даю то, о чём они просили.

Натуральный обмен. Удивлён, что ты пришёл сюда, не зная этого.

— Вот оно что, — паника начала отпускать и ко мне вернулась нормальная речь, — тогда я пойду в магазин, приобрету обменный товар.

— Покупай осторожно, чтобы не было подозрительно. Если купишь пару тысяч батареек или игрушек, станет подозрительно. И ещё кое-что — не тащи мне ничего скоропортящегося.

○ — До скорой встречи. — (54)

Выходя из цеха я увидел кодлу взволнованных и орущих друг на друга телерепортёров. Когда лента вынесла в кадр торт с розой, обычный пропагандистский сюжет в мгновение ока превратился в акт неповиновения, о котором заявили на всю страну.

— Теракт без жертв — вот как уже успели окрестить это события местные и репортёры, — докладывал в камеру один из них.

Я стоял, смотрел на них и улыбался. Больше мне ничего не оставалось.

Полиция Превентивного Пресечения уже прибыла. Поздно, на сей раз они не пресекли поступок до того, как он был совершён. Оставалось лишь наказание... Вот полицейские и бежали ко мне на пластиковых ногах — а я лишь бессильно стоял. Неприятно было ощущать на запястьях холод наручников.

Когда Авто-Полицейские усаживали меня в машину, увидел... Нет, показалось. Почудилось, будто на пассажирском сиденье одной из полицейских машин сидел джентельмен в белом костюме. Он там в качестве арестованного или...? А, к чёрту. Не буду гадать на кофейной гуще, лучше сосредоточусь на происходящем.

Привезли в отделение ППП и тут же потащили в маленькую комнатку, где был только стол, стул и около дюжины видеокамер.

«Причина совершения преступления?» — Скрежещущий, металлический голос в голове, от которого так и отдавало ржавчиной. Похож на голоса Автоматического Кондитера или Продавца, но гораздо противнее. Немного смахивает на то, как говорит мой босс. Вернее, бывший босс.

Авто-Судья запрограммирован задавать перечень стандартных вопросов, после которых определит меру наказания и средство исправления. Не хочу отвечать.

Молчу. Небольшой электрический разряд, я лишь поморщился и выругался. Было почти не больно.«Причина совершения преступления?»

Молчу. Разряд посильнее.

○ — **Ай!** — (47)

29

Кажется, во время эйфории, во время этого бессознательного метания из одного угла черепной коробки в другую, во мне промелькнула какая-то искорка. Нечто, показавшееся мне гениальным. Сродни той искре, которую высекло яблоко, упав на голову Ньютону. Эта мысль была о чём-то элегантном и прекрасном в своей простоте. Я судорожно вспоминал, так и не поднявшись с пола. Кажется, что-то связанное с украшением для торта — или, может, не для него? Нечто живое, но безжизненное с виду... Растение? Но меня никогда не интересовала ботаника, с чего вдруг... По мере того, как приходил в себя, я вспоминал чуть больше. Кажется, цветок. Да, я думал о каком-то красивом цветке, когда на меня, удар за ударом, ниспадало цунами звука.

Аудио делает с людьми странные вещи.

Может, я цветовод в глубине души? Вряд-ли.

Я лежал на полу, продолжая гадать.

Окончательно стемнело, когда я вскочил с ошарашенным видом и принялся ходить взад-вперёд по комнате. Эврика! Вот что использовала мама для приготовления сливок — лепестки роз. Я могу найти этому растению тысячу применений для своих тортов.

Прекрасная, высокая роза с росой на длинных листьях и светло-алыми, нежными лепестками. Она должна лежать наверху самого лучшего торта, оттеняя серость и прагматичность мира извечной красотой! Мы всегда выбирали украшения для наших тортов из списка искусственных, обязательно съедобных и не запоминающихся калорийных штукунин...

Но каково будет, если я украшу своё творение розой? Чем-нибудь, что дышало бы живой прелестью? Это станет произведением искусства среди нудных, приторных и одинаковых продуктов. Но... Абсурд. Начальник и Авто-Кондитер не позволят украсить торт несъедобной вещью, а за самовольное нарушение Списка могут посадить. Зачем делать это, если у меня есть всё, что нужно: работа, жильё, друг... Может, это бессмысленный риск?

○ Мне нужна настоящая роза — (49)

30

— Эй, счастливец! — огибая лужи и прохожих, ко мне подошёл Вишну. Как всегда, беззаботный и неопрятный.

— Доброе утро, — улыбнулся ему в ответ, ведь приятно увидеть лицо друга.

— Что ты хочешь этим сказать? Просто желаешь мне доброго утра или имеешь в виду, что в это утро все должны быть добр...

— Прекращай говорить цитатами. Когда я услышу от тебя собственные слова?

— Когда мне найдутся слова, доселе хоть кем-нибудь не произнесённые и не записанные, — ответил он, наверняка опять что-нибудь процитировав. — А что ты здесь делаешь? Премию зазря тратишь?

— Не поверишь: я уже успел это сделать, — сказал я без тени сожаления.

— Почему же, очень даже поверю. С деньгами всегда так — ты их либо просадишь за пару мгновений, едва успев насладиться купленными за них удовольствиями и испытывая потом лишь неприятное безденежное послевкусие... либо будешь сидеть на них как ростовщик, не в силах потратить на что-либо, кроме необходимого минимума и вовсе ничего не ощутишь от обладания ними. — высказал он на одном дыхании. Видно было, что он давно хотел кому-

нибудь излить нечто подобное, но не имел подходящего случая. У всех нас бывает чувство, когда, имея внимательного слушателя, нужно в форме псевдофилософского монолога посетовать на окружающий мир.

— Чёрт возьми, ты абсолютно прав. Вот я и иду домой, ощущая безденежное послевкусие. А ты здесь что забыл, Вишну?

— Я по этой дороге в магазин частенько хожу, пивного симулятора вот купил. Не хочешь со мной? Здесь на двоих хватит. — В принципе, я не против. Куда пойдём?

— я заранее знал ответ.

— Я бы пригласил к себе, но семья, сам знаешь. Мы им своей попойкой явно будем мешать, — сказал Вишну, сделав вид, будто жалеет, что придётся устраивать бардак, погром и апокалипсис в моей квартире, а не в его.

— Да-да, у меня всегда пусто. Удобно иметь друга-холостяка, да?

— Конечно. И я с тобой поддерживаю связь исключительно из-за постоянно пустующей квартиры, конечно же. А ты как думал?

— Иной мысли и не было, не сомневайся.

— На что премию-то потратил?

— Новое Аудио купил... и ещё кое-что. О чём я предпочёл бы не упоминать на улице.

— Купил что-то, не входящее в Списки?

Негодяй ты, Тирам. И преступник. И с этим человеком я работаю в одном цеху!

— Хватит меня изобличать, услышит ещё кто-нибудь. Или что-нибудь.

— Микрофоны систем уличной безопасности на такие фразы не реагируют, не бойся.

Да и не изобличал я, а дурачился — я сам однажды провернул одну, не совсем разрешённую сделку.

— Что же это было, Вишну?

— Ты же знаешь, как я люблю удовольствия и препараты, которые их сулят. — мой коллега и товарищ расплылся в ехидной улыбке.

— Ясно-ясно, можешь не продолжать. Слабый ты человек, вот что скажу.

— Вовсе не слабый, а благодарно принимающий от жизни всё, что она мне преподносит на блюдец с золотой каймой.

— В блюдец с золотой каймой, как правило, лежит билет на прямой рейс в ад.

— Не будь таким скептиком, ну же! Всегда есть обратные рейсы. Кстати, вот и твой дом. Сколько можно снаружи торчать?

○ — **Поднимаемся.** — (48)

31

«Прошу прощения, господин Снайдер. Я не могу выпустить вас, находясь не на вашем этаже».

— Ты... Ты говорить можешь? С каких пор лифты оснащают модулями общения?

«Уже шесть лет, как я способен транслировать в мозг голосовые сообщения».

— Тогда почему никто об этом не знает?

«Потому что никто со нами не говорит, господин Снайдер. Кому взбрѣдет в голову общаться в лифтом?»

— Хм, действительно. Ну ладно, высади меня на моём этаже.

Интересно, сколько ещё вещей с радостью ответит, стоит только с ними заговорить?

В квартиру — (3)

32

Спокойная и безмятежная ночь. Никогда не удаётся различить сквозь окно — это туман или заводской дым? Когда не могу заснуть, задумываюсь о своём месте о этом мире. Ещё о смысле и назначении. Чего? Неважно. Не придя к внятному выводу, встретил рассвет. Да и какие могут быть выводы в абстрактных размышлениях? С чувством потерянного времени оделся и вышел на работу. Дорога к фабрике, как обычно, была чередой одинаковых шагов среди однообразных декораций.

Выглядывая из-за угла, меня окликнул какой-то парень в белом спортивном костюме. На угловатом лице, выглядывающем из-под капюшона, я не заметил ни интеллекта, ни добрых намерений.

Отозваться ли? Кто знает, какая именно загадка, подброшенная мне жизнью, является настоящим Выбором, решающим судьбу... А что — иллюзия вопроса, созданная, чтобы запудрить мне мозг и дать ощущение свободы. Как же различить мираж выбора, приводящий к одному результату?

Поспешить на работу — (56)

Подойти к парню — (63)

Я ушёл, по дороге домой думая о том, на что же можно потратить премию. Зарплаты хватало на всё необходимое. Что вообще есть в продаже, стоящее моего недельного почти круглосуточного труда? Ведь действительно, среди вещей, которые можно купить за деньги, не осталось ничего достойного того, чтобы быть результатом вдохновенной и самоотверженной работы! Благотворительность? В Полигосударстве любой работающий или не имеющий возможности работать человек получает достаточно, чтобы не голодать, жить где-нибудь и одеваться. Предметы искусства? Старые давно канули в лету; Мона Лиза (даже если бы мне на неё хватило) давно истлела. Разве что купить копию. Ещё одна копия, когда меня и так окружают подделки? Нет уж, хватит. А оригиналы... Современные картины и музыка могут вызвать разве что приступ эпилепсии, но никак не восхищение. Я создаю нечто банальное и ненастоящее, получая за это деньги, на которые могу купить такое же искусственное и обычное. И из этого состояла вся моя прошедшая жизнь, если взглянуть на неё с высоты птичьего полёта. Из банального и ненастоящего.

Вдруг остановился посреди улицы.

Взглянул на небо будто новыми глазами и упал на колени. Меня пронзило чувство собственной бесполезности. Раньше я считал себя отличающимся, человеком с особой судьбой, призванием; неважно, в чём оно заключалось....

А сейчас, внезапно и болезненно, обнаружил себя обычным человеком. Ещё одним гражданином.

Вкалываю на работе, не требующей каких-нибудь особых талантов и навыков. Просто человек... Без увлечений и хобби, не привносящий в этот мир ничего прекрасного и великого. После смерти меня не будут цитировать, мои свершения не занесут в анналы истории. Просто человек, ЧП №4891.

○ **Подняться с колен и брести в беспамятстве по улицам — (68)**

— Нет, автомат, проверь ещё раз — разница должна быть, — воскликнул я, не веря ушам. — Нет нужды проверять ещё раз, электронные системы этого поколения не ошибаются и не допускают погрешностей. — прозвучал в голове голос начальника цеха. — Я на досуге следил за твоими изысканиями.

Подойдешь ко мне после рабочего дня.

Что я такого сделал, что босс этим заинтересовался? Любопытно. Но что бы там ни было — это не утешит. Любимые домашние сливки, которые так обожал в детстве, на поверку оказались одним из синтезированных в цехах искусственных продуктов. Остаток рабочего дня я не мог места себе найти, бесцельно щёлкая управление машинами. Видя моё подавленное состояние, подошёл Вишну. Он считает себя экспертом в вопросах выхода из депрессии и улучшения настроения.

Друг облокотился на компьютер и спросил, улыбаясь во всё лицо:

— Эй, как там твой проект, над которым ты в последнее время так бьёшься? Неужели ничего не получилось?

— Получилось, это не так уж и трудно было. Если начистоту, то вся наша работа вовсе не сложная.

— Тогда чего такой грустный, результат разочаровал? — Вишну синтез чего-нибудь, хоть в какой-нибудь степени стоящего, воспринимал, как значительный успех и доказательство его, естественно, невероятного мастерства. Может, именно поэтому он счастливее меня?

— Да, оказалось, что точно этот рецепт уже есть в Списке, — ответил я и удручённо развёл руками.

— Бывает ведь незадача, — Вишну покачал головой, сочувствуя, но не переставал улыбаться. — Но не вешай нос, дружище, у меня такое тоже было пару раз. Список не столь уж и мал. Немудрено случайно повторить чей-нибудь опыт.

— Да, это логично, но это не просто рецепт, понимаешь? — я был хмур и зол на всё, так что, не слишком воспринимал его попытки поднятия настроения.

— Нет, если честно. Какая разница? — он просто дышал непониманием. — Ладно, потом как-нибудь объяснишь — мне нужно работать. Не унывай!

Вишну пожал на прощание руку и ушёл. А я с трудом дождался конца смены и поплёлся в кабинет 101. Здесь каждый работник, хотя бы раз в своей жизни, получал взбучку, которую ещё несколько лет потом с содроганием вспоминал. Начальник раз в полгода-год выбирал себе жертву и ждал, пока она нарушит какое-нибудь правило... Неважно, закон это или неписанное правило. После этого он вызывал на ковёр и несколько часов выедал чайной ложкой мозг, предварительно разрезав черепную коробку тупым ножом. Я не знал, наградит ли босс за упорство или устроит головомойку из-за потраченного времени и ресурсов на то, что и так давно было известно.

○ В кабинет — (14)

— Возможно. Пытаешься отговорить меня дарить розу Варде?

— И это тоже. Если засветишь цветок ещё кому-нибудь... Нас обоих надолго упрячут. Роза прекрасна, спору нет — но в глазах людей всё красивое от природы, что было в мире до них, давно поблекло на фоне тех красот и радостей, что созданы нашими же руками и в угоду самим себе.

Глаза друга вдруг загорелись огнём. Пришла очередь Вишну разнервничаться и ходить по комнате, заламывая руки и жестикулируя. Он заговорил голосом, будто идущим глубоко изнутри:

— Давно ты любовался звёздами? Вот видишь. Вместо них мы предпочитаем, в лучшем случае, картины. Люди упрямо смотрят в экраны, на одежду и прочую дребедень, когда есть ночное небо с мириадами звёзд и неповторимые в своей первозданной красоте цветы! Только вдумайся! Дарить розы было модно лет эдак пятьдесят назад. С тех многое изменилось, друг.

— Потихе, а то соседи услышат, о чём мы болтаем, — я шикнул на друга и оглянулся по сторонам, не в силах перебороть беспокойство. — В тебе-то откуда такие крамольные мысли, Вишну?

— Сам не знаю, откуда-то вдруг всплыли. Лежали на дне, обрастая злостью, и вырвались, когда увидел цветок. Чтобы понять, насколько ужасно всё, что тебя окружает, нужно познать что-нибудь совсем другое.

Я воскликнул:

— Вот именно! Роза... Сама по себе она — живой бунт против нашего общества и образа жизни. И она так похожа на Варду... Но что дальше? Ты мне поможешь?

Вишну очумело смотрел то на меня, то на розу. Собравшись с силами, он ответил:

— Да.

○ — **За дело.** — (45)

36

Я ушёл, одолеваемый противоречиями. Со мной недавно прощались точно так же. Только в прошлый раз говорил загадочный господин, принёсший мне розу. А только что сказал искусственный голос, наказавший меня за преступление, совершённое с её же помощью. Точно ту же фразу! И в обеих ситуациях я кое-что потерял... но и обрёл. Человек в белом костюме, который был, вероятно, контрабандистом и металлический голос Автоматического Допрашивающего — кто они, на самом деле? Контрабандист и робот-допрашивающий, ой ли? Морально обессилевший, я не стал искать связь и пытаться докопаться до истины. Совпадение, наверное.

Полицейские согласились подбросить меня до дома. Я бы подумал, что меня конвоируют, но всем и так было очевидно, что я никуда не сбегу. От них никто не может сбежать. Вертолёт Полиции Превентивного Пресечения услужливо высадил меня на крыше огромного человеческого улья, в котором, среди прочих, была и моя квартира. Странно, на крыше уже стоял ещё один такой же. В этом доме ещё кто-нибудь нарушает закон? Скрывшись в лифте от всевидящих камер наблюдения, тут же решил попробовать нарушить правила пребывания под домашним арестом. Было любопытно, усугубят ли наказание. Не просто же продлят домашний арест! Слишком банально. В лифте нажал на кнопку первого этажа, намереваясь выйти из дома через парадный вход, миновав караулящий вертолёт на крыше. Спустя несколько секунд лифт доехал, остановился, но не открыл двери.

— Ну же, лифт! Какого чёрта? — (31)

Молча поехать на свой этаж — (3)

37

Наступил день, когда технологии почти полностью заменили человеческий труд. Мы можем жить в своё удовольствие — заговорил диктор, ни на секунду не прекращая улыбаться. — Можно создать всё, чего захочет потребитель, будь то наркотик или жена-фотомодель. Вы можете заказать даже радость, счастье и смысл жизни.

За его спиной сновали заводские роботы. Человек-рабочий стоял посреди механизмов, выделяясь своей неподвижностью. Он просто смотрел на диктора, опустив плечи и свесив руки бессильными плетями.

Через секунду оператор настроил фокусировку так, чтобы рабочий превратился в неразличимое пятно.

Досмотрев новости, я встретил рассвет. С чувством потерянного времени оделся и вышел на работу. Дорога к фабрике, как обычно, была чередой одинаковых шагов среди однообразных декораций.

Выглядывая из-за угла, меня окликнул какой-то парень в белом спортивном костюме. На угловатом лице, выглядывающем из-под капюшона, я не заметил ни интеллекта, ни добрых намерений.

Отозваться ли? Кто знает, какая именно загадка, подброшенная мне жизнью, является настоящим Выбором, решающим судьбу... А что — иллюзия вопроса, созданная, чтобы запудрить мне мозг и дать ощущение свободы. Как же различить мираж выбора, приводящий к одному результату?

Поспешить на работу — (56)

Подойти к парню — (63)

38

С огнём в глазах, Вишну пустился в мечтания о том, как мы заново научим человечество ценить всё то, что достойно и ценно; о том, что на работе мы должны приносить реальную пользу человечеству. Сказал, что каждый должен найти в мире свои субъективные красоты и идеалы — и, в сумме, это даст объективно прекрасный мир. Убеждал меня, что мы можем напомнить людям о том, что такое настоящая свобода выбора, а не несколько предоставленных вариантов, как сливки на нашей работе.

Он закончил тираду, отхлебнул пива и устало плюхнулся на диван. Видимо, увлечение новыми идеями утомляет. А я задумался о том, что слишком уж быстро он перенял мою точку зрения. Ещё и подталкивает к более радикальным действиям.

— Я ещё не придумал, как всё это можно сделать... Но мы должны! — замороженно заговорил он. — Слышишь, Тирам? Мы должны изменить всё!

— И как изменить устоявшееся мировоззрение другого человека, ты не подумал? К тому же, это сугубо его дело, не нужно перекраивать людей под свои идеалы. А вдруг и мои, и твои идеи — ошибочны?

— Наши, мои с тобой, будущие идеалы — как они могут быть ошибочны, если ставят во главу угла душу, красоту и прочие вечные ценности? Они подразумевают собой всё то, чего нет в нашем мирке ненастоящих вещей, искусственных эмоций и подобия мыслей. И, как я уже сказал, мы обязаны дать это людям. — настаивал Вишну.

Я допил пиво (на самом деле, симулятор просто разрядился) и возразил:

— Нет. Сперва я должен дать это самому себе. Сделаю именно то, что собирался. Для меня будет много значить эта маленькая победа, личная революция.

— Ты уверен? Может, всё-таки попробуем изменить сразу всё общество? — неуверенно спросил Вишну. — Или тебе ближе вселенная, что внутри тебя?

— По-моему. Если хочешь изменить мир — начни с себя. — (5)

— Ладно, покажем розу народу. Может, она станет символом новой свободы? — (17)

39

«Рецепта точно нет в Списке? Это маловероятно» — ответила система.

— Его там нет, но не потому, что рецепт плох. Он был моей семейной тайной на протяжении многих лет, и никто, кроме мамы и бабушки, такие сливки делать не умел.

«К сожалению, Список давно утверждён и изменить его очень сложно.»

— Жаль. — я сперва немного приуныл.

Помнился вкус тех чудных сливок и мне хотелось, чтобы Потребитель тоже их попробовал! — погоди-ка, а если попробовать составить их из имеющихся ингредиентов и назначить свой метод обработки?

«Может сработать. Вы всегда вольны пробовать новое, творить — но не выходите за рамки Списка: так написано в моей инструкции.»

С исступлением и рвением взялся за сливки. Я должен восстановить тот самый рецепт. Обязан добиться того самого умеренно-сладкого вкуса. навевающего мысли о цветах. Сделаю сливки, что издавали неуловимый аромат роз. Аромат детства.

За работу! — (61)

40

Снаружи цеха собрались коллеги, недоуменно пялясь на дыру в стене. Две части производства казались им разными мирами, между которыми нельзя пробить брешь. Не знаю, кем я стал для них, выйдя из запретной зоны — смельчаком или преступником.

Полиция Превентивного Пресечения уже прибыла.

Поздно, на сей раз они не пресекли поступок до того, как он был совершён. Оставалось лишь наказание... Вот полицейские и бежали ко мне на пластиковых ногах — а я лишь бессильно стоял. Неприятно было ощущать на запястьях холод наручников.

Когда Авто-

Полицейские усаживали меня в машину, увидел... Нет, показалось. Почудилось, будто на пассажирском сиденье одной из полицейских машин сидел джентельмен в белом костюме. Он там в качестве арестованного или...? А, к чёрту. Не буду гадать на кофейной гуще, лучше сосредоточусь на происходящем.

Привезли в отделение ППП и тут же потащили в маленькую комнатку, где был только стол, стул и около дюжины видеокамер.

«Причина совершения преступления?» — Похож на голоса Автоматического Кондитера или Продавца, но гораздо противнее. Немного смахивает на то, как разговаривает мой босс. Точнее, бывший босс.

Авто-Судья запрограммирован задавать перечень стандартных вопросов, после которых определит меру наказания и средство исправления. Не хочу отвечать.

Молчу. Небольшой электрический разряд, я лишь поморщился и выругался. Было почти не больно.

«Причина совершения преступления?»

Разряд посильнее.

Уйти — (36)

Излить душу — (70)

41

Когда приходил с работы и вонзал в уши Аудио, я смотрел в окно и видел людей. Таких интересных и разных. Смотрю на быстрые машины, мигающие вывески, красивые дома...

Оставшись без наркотика, вместо людей вижу ячейки общества. Снующие туда-сюда, они не вызывают даже жалости.

Почему? Слишком ценят вещи. Машины, вывески, дома... Скопированное тысячу раз, всё это ещё две тысячи раз может вызвать восторг. Навязанные нам искусственные эмоции и чувства не просто заменили настоящие — они возвысились над ними, низвергнув истинное в ранг животного и первобытного.

Никто из бегущих за окном не ценит единственную вещь ручной работы, настоящего человека, любимую собачку с кличкой и живое растение.

Светает. Убиваемый бессонницей, я часто не замечаю появления Солнца. Распыляясь на мелочи, иногда не вижу главного, ясного света.

Пора на работу — (64)

Всю неделю я жил как ни в чём не бывало в своей маленькой, но неудобной квартирке. Как и раньше, работал на несложной, но бесполезной для кого-бы то ни было работе и ждал звёздного часа, лелея свою странную мечту. К аудиодряни не притрагивался, задумываясь о том, чтобы продать её.

Каждый день видел Варду, но она избегала меня. Наверное, не хотела общения, пока я не достиг того, чего она желала. Или это она знает, чего на самом деле желаю я?

За эту неделю почти не говорил с Вишну. Он, как и остальные кондитеры, ужасно завидовал внезапно свалившейся на меня утроенной премии. Но ничего, это быстро забудется. Быстро потраченные деньги встречают одобрение у людей. Необъяснимое и иррациональное одобрение. Контрастные перемены и падения вслед за взлётами настолько же приятно наблюдать, сколь неприятно переживать.

Когда прошло ровно шесть дней, двадцать три часа и пятьдесят пять минут, я вошёл в подпольный магазинчик.

В подвале теперь были перебои в работе обеих ламп, а в куртке хмыря будто прибавилось карманов. Он сидел, как и раньше, в пустом помещении. Где же роза, чёрт возьми?

— Ты опоздал, — сказал он после полуминуты молчаливой игры в гляделки.

— Вовсе нет, я пришёл ровно через неделю, — ответил я и сверился с часами. — Минута в минуту, если хочешь знать.

— Наивный. Опоздал на полминуты, время опять сократили.

— Сократили время? Что ты несёшь, полоумный?

— Раз в полгода-год на всех часах немного сжимаются единицы времени, чтобы у вас, у стада, было меньше времени на... а, ладно не суть. Давай деньги.

— Во-первых, как я их тебе отдам? Если ты вдруг забыл, расходы фиксируются и декларируются. А я не хочу, чтобы меня уличили в покупке контрабанды.

— Да ты и не смог бы просто так купить, болван, — с этими словами торгош сплюнул на подвальный пол, впрочем, не делая его намного грязнее. — Как бы я продал розу, которой нет ни в одном списке товаров?

— Что же тогда делать? Или... Ты меня обманул, сукин сын! Это ты подставная утка, верно? Полиция Превентивного Пресечения, наверное, уже за дверью. И что же меня ждёт, господин инспектор незаконной торговли? — я говорил громче, стараясь хоть немного придать голосу уверенности, ведь не на шутку перепугался. Не зря же гласит каждый десятый плакат на улице: «Замешан в тёмных делах — вся жизнь под откос!». Я затравленно оглянулся в поисках путей отхода — но бежать было некуда, вход и выход здесь один. Я попался.

Хмырь достал из кармана куртки пистолет, злобно ухмыльнулся и неторопливо произнёс:— Вы арестованы, Тирам Снайдер. Медленно положите руки за голову. Сами знаете, сопротивляться было бы глупо.

Я всегда очень боялся провиниться перед законом — и вот теперь, когда провинился, страх парализовал меня, конечности онемели и превратились в бесполезные отростки.

О том, чтобы броситься на вооружённого человека, не могло быть и речи. Земля чуть не ушла из-под ног, всё тело стало ватным. Хотелось убежать, но это было бы сложно — ноги совсем отказались слушаться. Нужно преодолеть несколько метров по открытому пространству, после чего оторваться от него на улице, даже если снаружи я не окружён... В то время, как я чуть ли не теряю сознание от шока.

Попробовать убежать — (9)

Остаться и поговорить — (13)

43

Я подошёл к домашнему мусоросжигателю, открыл крышку и бросил туда розу. Моментально вспыхнув и обуглившись, она больше не существовала. Остались только мы с Вардой. Девушка подошла ко мне, взяла под локоть и сказала вслед догорающему цветку:

— Впервые вижу, насколько мимолётна настоящая жизнь. Хорошо, что мы не такие.

Да, мы будем счастливы. И неважно, кто она. Без разницы, кто на самом деле я. И плевать, вправду ли у нас настоящая жизнь. Мы счастливы.

44

Быстро добрался до ближайшего супермаркета. В магазине я долго стоял, размышляя и считая, чего бы такого купить точно на указанную сумму, чтобы товары были разнообразными и более-менее укладывались в месячный потребительский список гражданина.

Заметив что на меня, застывшего посреди магазина, уже начали поглядывать, я закончил с мысленным списком и пошёл по рядам. Консервы, канцтовары, аккумуляторы, пластиковая посуда (другой давно уже не было в продаже, а если бы и была — могла бы разбиться по пути) и даже набор простейших имплантов «Юный Киборг».

Кажется, всё. Медленно подхожу к кассе, толкая тележку, чувствую себя с ней Сизифом. Вот он, мой камень, что набит потребительскими товарами, которые вроде бы и необходимы для выживания... Но и совершенно не нужны.

Вот она касса — вершина горы, к которой я подходил с камнем-тележкой изо дня в день, каждый день достигая цели и не достигая ничего. Абсурд неосмысленной и неконструктивной деятельности, что повторяется, пока мы живы.

Но в этот раз всё по-другому. Камень Сизифа, толкаемый на колёсиках к кассе, скоро, как по-волшебству, превратится в прекрасный цветок. Я с трудом дождался своей очереди, оплатил всю эту гору хлама и понёс в уже хорошо знакомый подвал, в забытом всеми высшими силами переулок.

Когда я простучал по двери Марсельезу и вошёл в открывшуюся дверь, в подвале был не только человек в куртке с тысячей карманов.

○ — **Здравствуйте.** — (7)

45

Я ждал дома, а Вишну побежал передавать Варде приглашение. Он должен был оставить на полу цеха скомканную бумажку и сказать девушке, что это она обронила. На бумаге написан мой адрес, а завёрнут в неё — шип розы.

Рискованный план, но говорить ей об этом в цеху или рядом с ним было бы вдвойне опасней. Прошло каких-то полчаса, а я уже успел перенервничать. Вдруг она не придёт? Что, если вместо неё сюда явится Полиция Превентивного Пресечения?

Когда моё внутреннее напряжение почти достигло апогея, затарахтел дверной звонок. Была не была. Схватив цветок за место на стебле, где не было шипов, я побежал открывать.

— Ну здравствуй, — тихо вымолвила Варда.

○ **Без лишних слов протянуть розу — (11)**

46

Предусмотрев темноту, взял фонарик, но он оказался не нужен — всё залито светом. Интересно, зачем он, если здесь не бывает людей? Может быть, дешевле освещать, чем прилаживать камерам роботов приборы ночного видения... Не знаю. Всё выглядело странно и чуждо.

В шаге от меня оказалась производственная лента, несущая сотни тортов, булок и желе. Конечной цели не было видно — она заворачивала за угол. Зато я увидел место, где лента начинала путь... И очень об этом пожалел. Меня едва не вывернуло на ленту с бисквитами.

В ёмкости заливалась скользкая зеленовато-белая субстанция, которая после нагревания отвердевала и принимала нужную форму. Слипаясь комьями, бурля и переливаясь всеми оттенками рвоты, она выглядела просто отвратительно. Из этой гадости состояло всё — тесто, вафли, шоколад, вишни, изюм и чернослив. Точнее, то, что выдавали за тесто, шоколад и чернослив.

Ещё секунд десять я стоял, пытаюсь переварить мысль о том, что все ингредиенты, вся еда на прилавках — одна и та же бело-зелёная гадость после термических и ещё каких-то обработок. Что единственное блюдо, которое я в своей жизни пробовал — эта искусственная, гадкая и совершенно несъедобная с виду масса. Ну и добавки вкусовых модификаторов с красителями, само собой.

Не желая больше смотреть на эту жиденькую грязь, на глазах превращающуюся во вполне аппетитные вещи, я развернулся и пошёл по направлению движения производственной ленты.

○ **В дальний угол цеха — (2)**

47

— Ответ все уже увидели. Я хотел показать людям прекрасное. Вот увидишь, железка, скоро многие начнут выращивать розы. И для ваших господ это будет началом конца.

«Где вы добыли орудие преступления?» — голос был куда хуже электрических разрядов, он будто скребёт по душе ржавым металлом.

— Что? Какое ещё орудие преступления, железка?

«Где вы взяли цветок?»

На этот вопрос мне было что отвечать — а электрические разряды становились всё сильнее... В конце-концов, они редко продавали предметы искусства, цветы, лекарства и прочие прекрасные или полезные вещи. Основной графой прибыли чёрного рынка были старые наркотические вещества и настоящий алкоголь. Может и лучше заменителей, но не слишком-то и жалко.

Да и джентельмена в белом я почему-то видел в полицейской машине... А вдруг он не раскололся, а я его предам? Или он был в ней вовсе не пленником?

К тому же, я могу получить поблажку и слабенькое наказание.

Выдать подпольную точку — (21)

Молчать — (52)

48

Лифт за минуту поднял нас на нужный этаж. Лифты становятся всё быстрее. Да и не только они, люди, их разговоры и удовольствия тоже, всё сжато и в формате ликбеза. И только жизнь у людей становится всё длиннее и длиннее. Зачем мы всё спешим? На конечную остановку всё торопимся — ты в любом случае и что бы ни случилось, прибудешь как раз вовремя. Вовремя прибыл и лифт — довёз до двери квартиры. Ничего, впереди нас ещё ждёт попойка, ещё успею ему душу излить — если только Вишну не воткнёт себе в уши Аудио на весь вечер, позабыв о пиве и товарище на фоне впечатлений и эмоций, обладающих яркостью взрыва.

С фразой «заранее прошу прощения за небольшой бардак», я открыл дверь.

— Каждый раз говоришь, когда у тебя собираемся. Не устал ещё?

— Вежливость не утомляет, друг мой.

— Нужно будет попробовать.

Дверной замок побеждён, мы вошли. Вишну, вытерев о коврик обувь, следом за мной.

Но далеко он не зашёл — наткнулся на меня, стоящего неподвижно, словно увидевшего Медузу Горгону. Пожалуй, даже Горгона произвела бы меньшее впечатление, чем увиденное. На столе стояла она.

— **Вишну... Ты тоже это видишь? — (69)**

Я поспешно оделся и вышел на улицу. В городе есть всего два-три места, где можно купить настоящие цветы. В одном из них я когда-то бывал за компанию и только поэтому знаю, где искать. Здесь торгуют практически всем.

Вот оно. Массивная железная дверь. Особый стук, отдалённо повторяющий давно позабытую всеми Марсельезу.

Маленький, замызганный полуподвал, стены которого не знали слов «краска» или «обои». Вороватого вида хмырь в куртке с множеством карманов сидит на стуле. Он приветствовал меня. Ну, если немного расширить рамки приличия и позволить называть это приветствием:

— Эй, я тебя помню! Как-то был в компании с нашим постоянным посетителем. Чего нужно?

Я произнёс одно слово:

— Цветы.

— Ты не туда попал, гений. В каждом квартале цветочный можно найти, необязательно по подпольям лазить. Или ты про...

— Именно. Мне нужны настоящие, живые. И обязательно розы, мил человек.

Хмырь насторожился, подозрительно осматривая меня.

— Ты что, служебный, подставная утка? Дорогие и бесполезные цветы никто не покупает лет пять — если кому и нужно то, чего нет в продаже, то это что-нибудь практичней. Старые средства для забытья и счастья, которые нужно глотать, пить или вводить в кровь. Лекарства для людей, которые боятся этих, непонятно каким образом, выращенных органов. Ну и прочее, о чём я не буду упоминать. Цветы не нужны никому, тут ты прокололся. И нет у меня их, понял! И те, кто сидят с другого конца твоих микрофонов, пусть тоже услышат!

— Послушай, мне просто нужны розы, понял?

Во сколько это обойдётся? Учти — я не большой начальник и больших денег у меня нет. Как и кур, которые бы их не клевали.

Хмырь, хитро прищуривав маленькие крысиные глазки, встал со стула и начал деловито расхаживать с таким видом, будто заключает лучшую сделку в жизни.

То ещё зрелище. Он начал говорить, считая при этом на пальцах:

— Итак. Редкий товар, нужно издалека доставить контрабандой, аккуратно обращаясь при этом. А также, содержать в нужных условиях при перевозке и заплатить взятку при досмотре. Миллиардов на двадцать потянет.

— За букет?

— За штуку.

Я задумался. Это около двадцати процентов моей премии — почти всё, что от неё. Дорогой аудионаркотик и настоящая роза — вот и вся моя хваленая премия в три стандартных зарплаты. А я ещё рассчитывал купить что-нибудь по мелочам. Ну да ладно, обойдусь. Это ведь настоящая роза! Нет, даже больше... Это первая в моей жизни Идея. Она гораздо важнее мелочей. — сказал я, разведя руками. — Сколько ждать заказа?

Услышав всё:

— Кстати, как бизнес идёт? Что-то я очередей не вижу.

○ К будничным делам — (15)

— Возможно. Пытаешься отговорить меня украсить розой торт?

— И это тоже. Тебе ведь никто не позволит это сделать. Всю жизнь под откос пустишь, а меня за компанию упрячут. Роза прекрасна, спору нет — но в глазах людей всё прекрасное от природы, что было в мире до них, давно поблекло на фоне тех красот и радостей, что созданы нашими же руками и в угоду самим себе.

Пришла очередь Вишну разнервничаться и ходить по комнате, заламывая руки и жестикулируя. Он заговорил голосом, будто идущим глубоко изнутри:— Давно ты любовался звёздами? Вот видишь. Вместо них мы предпочитаем, в лучшем случае, картины. Люди упрямо смотрят в экраны, на одежду и прочую дребедень, когда есть ночное небо с мириадами звёзд и неповторимые, в своей первозданной красоте, цветы! Только вдумайся! И с чего ты взял, что народ тебя поймёт, с твоей-то розой?

— Потихе, а то соседи услышат, о чём мы болтаем, — я шикнул на друга и оглянулся по сторонам, не в силах перебороть беспокойство. — В тебе-то откуда такие крамольные мысли, Вишну?

— Сам не знаю, откуда-то вдруг всплыли. Лежали на дне, обрастая злостью, и вырвались, когда я увидел цветок. Чтобы понять, насколько ужасно всё, что тебя окружает, нужно познать что-нибудь совсем другое.

Я воскликнул:

— Вот именно! Роза... Сама по себе она — живой бунт против нашего общества и образа жизни. Но что дальше? Ты мне поможешь?

— В украшении торта розой? Зачем? Ты не изменишь этим мир, не улучшишь общество. Нужно что-то более глобальное.

Надо заставить каждого переосмыслить свою систему ценностей.

○ — **О чём ты? Объясни.** — (38)

51

По мере того, как пусть заводил дальше, торты всё больше становились похожими на пищу, а не на затвердевшую блевотину.

Я уже почти передумал украшать розой одно из этих убогих карикатур на произведения кулинарного искусства, но не хотел отступить, зайдя так далеко. Ведь решился на единственный поступок в жизни, не продиктованный мне законами и устоями общества. На первый МОЙ поступок.

Отвращение и злоба заменили вдохновение. Мрачная решимость фаталиста подвинула оптимистическую уверенность.

Пытаясь унять их, я подошёл к концу ленты, едва замечая препятствия в неверном свете маленького фонарика.

Здесь лента останавливалась и готовые торты выстраивались в ряды, будто гвардейцы в шеренги.

Я выбрал самый большой торт и с остервенением сломал его замысловатое украшение, разбросав съедобных зверушек. Пятью минутами ранее я бы облизал руки, будь они в нежном креме.

Но вспомнив, из чего это сделано, решил вытереть о штаны. Представляю, насколько выразительным было отвращение на моём лице. Раньше хотел просто положить розу на торт, но она не поместилась — Я воткнул её в самый центр той мерзости, что именовалась тортом. Цветок вонзился в податливую массу и остался стоять. Я развернулся и неторопливо пошёл к выходу из цеха.

Я хотел, чтобы роза возлежала на торте, как бриллиант в королевской короне — подчёркивающая достоинства оправа. Поражающее взгляды украшение, превращающее рядовую вещь в произведение искусства. А она, проткнув насквозь пищевую подделку и оставив шипами рваную рану, осталась гордо стоять.

Гордячка. Прямая и высокая, ярко-красная сверху, роза была похожа на дорожный знак, предупреждающий об опасности. Она предупреждающе стояла посреди ненастоящей пищи и искусственного мира, эта неповторимая и живая роза.

○ **Пора уходить** — (40)

52

— Больше мне нечего вам говорить, — сказал я и сплюнул, почти попав по одному из микрофонов допросной комнаты.

— Раз так, вам назначается наивысшая мера наказания, — прокрипел робот. — Казнь будет приведена в действие на рассвете. Сейчас вас сопровождают к временной камере.

Сопровождаемый охранниками под руки (после этой новости было сложно ходить), я отправился в камеру, где тотчас же заснул среди крыс и грязи.

Меня разбудил другой голос, не из ржавой жестяной гортани, а нормальный голос, человеческий.

○ — **Кто там?** — (16)

53

Лифт за минуту поднял нас на нужный этаж. Лифты становятся всё быстрее. Да и не только они, люди, их разговоры и удовольствия тоже, всё сжато и в формате ликбеза. И только жизнь у людей становится всё длиннее и длиннее. Зачем мы всё ускоряем, думал я, пока ехал в лифте, куда опаздываем? На конечную остановку всё равно нельзя опоздать — ты в любом случае и что бы ни случилось, прибудешь как раз вовремя.

Вовремя прибыл и лифт — не успел я вогнать себя в печаль и поделиться нею с Вишну, как металлическая коробка, этот минутный небольшой мирок для каждого пассажира, включил горизонтальный режим и подвёз нас до двери квартиры.

Ничего, впереди нас ещё ждёт попойка, ещё успею ему душу излить — если только Вишну не воткнёт себе в уши Аудио на весь вечер. Если не позабудет о пиве и товарище на фоне эмоций, обладающих яркостью взрыва.

С фразой «заранее прошу прощения за небольшой бардак», я открыл дверь.

— Каждый раз говоришь, когда у тебя собираемся. Не устал ещё?

— Вежливость не утомляет, друг мой, — ответил я с учтивостью, не слишком-то мне свойственной. И что это нашло?

— Нужно будет попробовать.

Дверной замок побеждён, мы вошли. Вишну, вытерев обувь о коврик, следом за мной. Но далеко он не зашёл — наткнулся на меня, стоящего неподвижно, словно увидевшего Медузу Горгону. Пожалуй, даже Горгона произвела бы меньшее впечатление, чем увиденное. На столе стояла она.

○ — Вишну... Ты тоже это видишь? — (18)

54

Быстро добрался до ближайшего супермаркета. В магазине я долго стоял, размышляя и считая, чего бы такого купить точно на указанную сумму, чтобы товары были разнообразными и более-менее укладывались в месячный потребительский список гражданина.

Заметив что на меня, застывшего посреди магазина, уже начали поглядывать, я закончил с мысленным списком и пошёл по рядам. Консервы, канцтовары, аккумуляторы, пластиковая посуда (другой давно уже не было в продаже, а если бы и была — могла бы разбиться по пути) и даже набор простейших имплантов «Юный Киборг».

Кажется, всё. Медленно подхожу к кассе, толкая тележку, чувствую себя с ней Сизифом. Вот он, мой камень, что набит потребительскими товарами, которые вроде бы и необходимы для выживания... Но и совершенно не нужны. Вот она касса — вершина горы, к которой я подходил с камнем-тележкой изо дня в день, каждый день достигая цели и не достигая ничего. Абсурд неосмысленной и неконструктивной деятельности, что повторяется, пока мы живы.

Но в этот раз всё по-другому. Камень Сизифа, толкаемый на колёсиках к кассе, скоро, как по-волшебству, превратится в прекрасный цветок. Я с трудом дождался своей очереди, оплатил всю эту гору хлама и понёс в уже хорошо знакомый подвал, в забытом всеми высшими силами переулочке.

Когда я простучал по двери Марсельезу и вошёл в открывшуюся дверь, в подвале был не только человек в куртке с тысячей карманов.

○ — Здравствуйте. — (26)

Я зашагал прочь из парка. В городе есть всего два-три места, где можно купить настоящие цветы. В одном из них я когда-то бывал за компанию и только поэтому знаю, где искать. Здесь торгуют практически всем.

Вот оно. Массивная железная дверь. Особый стук, отдалённо повторяющий давно позабытую всеми Марсельезу. Маленький, замызганный полуподвал, стены которого не знали слов «краска» и «обои». Вороватого вида хмырь в куртке с множеством карманов сидит на стуле — единственном предмете мебели здесь. Он приветствовал меня. Ну, если немного расширить рамки приличия и позволить называть это приветствием:

— Эй, я тебя помню! Как-то был в компании с нашим постоянным посетителем. Чего нужно?

Я произнёс одно слово:

— Цветы.

— Ты не туда попал, гений. В каждом квартале цветочный можно найти, необязательно по подпольям лазить. Или ты про...

— Именно. Мне нужны настоящие, живые. И обязательно розы, мил человек.

Хмырь насторожился, подозрительно осматривая меня.

— Ты что, служебный, подставная утка? Дорогие и бесполезные цветы никто не покупает лет пять — если кому и нужно то, чего нет в продаже, то это что-нибудь практичней. Старые средства для забытья и счастья, которые нужно глотать, пить или вводить в кровь. Лекарства для людей, которые боятся этих, непонятно каким образом, выращенных органов. Ну и прочее, о чём я не буду упоминать — мне краснеть не к лицу. Цветы не нужны никому, тут ты прокололся. И нет у меня их, понял! И те, кто сидят с другого конца твоих микрофонов, пусть тоже услышат!

— Послушай, мне просто нужны розы, понял? Во сколько это обойдётся? Учти — я не большой начальник и больших денег у меня нет. Как и кур, которые бы их не клевали.

Хмырь, хитро прищутив маленькие крысиные глазки, встал со стула и начал деловито расхаживать с таким видом, будто заключает лучшую сделку в жизни. То ещё зрелище. Он начал говорить, считая при этом на пальцах:

— Итак. Редкий товар, нужно издалека доставить контрабандой, аккуратно обращаясь при этом. А также, содержать в нужных условиях при перевозке и заплатить взятку при досмотре. Миллиардов на двадцать потянет.

— За букет?

— За штуку.

Я задумался. Это около двадцати процентов моей премии — почти всё, что от неё осталось. Дорогой аудионаркодик и настоящая роза — вот и вся моя хваленая премия в три стандартных зарплаты. А я ещё рассчитывал купить что-нибудь по мелочам. Ну да ладно, обойдусь. Это ведь настоящая роза! Нет, даже больше... Это первая в моей жизни Идея. Она гораздо важнее мелочей.

— Я смогу купить только одну, — сказал я, разведя руками. — Сколько ждать заказа?

— Неделя, не больше.

Услышав всё интересующее, я поспешил уйти и буркнул на прощание:

— Договорились. Кстати, как бизнес идёт? Что-то я очередей не вижу.

— Пшёл вон.

○ К будничным делам — (42)

56

Быстрым шагом отошёл от парня. Пока дошёл до работы, постарался вспомнить, кто же я такой.

Мне тридцать два года. Темноволосый и невысокий, одинок и слегка небрежен. Одновременно безутешен и счастлив в своей жизни; ибо всегда чувствовал её хоть и безмятежной, но бессмысленной. А ещё я очень скучно живу. Без приключений. Например, ни разу в жизни не поранился и не порезался. Хороший инстинкт самозащиты или просто везение — не знаю.

Работаю кондитером. Точнее, ЧП №4891 — ещё одна Человеческая Профессия, 4891-я по счёту. Настоящий же кондитер из меня — как пиво из того симулятора, что даёт мне ощущение пива. Вся работа состоит в том, чтобы пополнять базу данных новыми рецептами тортов, выбирая из Списка ингредиенты, пропорции, украшения и способы приготовления. «Всё, что есть в Списке — результат тысячелетних изысканий кондитеров и поваров. Использование составляющих, которых в нём нет, может привести в порче продукта иили смерти Потребителя» — вот, что было написано в конце Списка. Я так и не понял, зачем была дописана последняя фраза... Ведь я не могу ничего добавить в торт, помимо предложенного — только выбираю из предложенного, силясь придумать что-нибудь новенькое.

Сам торт готовит Автоматический Кондитер, модель 47. Сегодня я решил добавить больше взбитых сливок — Потребитель, наверное, любит лёгкие и воздушные торты. Ни я, ни кто-либо из моих коллег, не знаем, кто такой этот Потребитель — ни разу не видел человека, который ел бы торт с настоящими взбитыми сливками. Но он точно любит такие сладости.

Вперёд, исполнять долг... Перед кем? — (75)

57

Я забрал дорогостоящие затычки, бросил в карман и ушёл, задумавшись о продавце. В чём состоял его долг? Он приветствовал посетителей и предлагал им последнюю, самую дорогую и, несомненно, самую лучшую модель Аудио. Ах да, забыл — ещё попрощался и обещал, что я не пожалею о том, что приобрёл товар.

Мог ли делать это за него Автоматический Продавец, который и так там был? Думаю, да. Мог ли Авто-Кондитер сам составлять рецепты, просто генерируя их случайным образом и оставляя в продаже наиболее покупаемые? Несомненно. Тогда зачем мы оба, я и продавец, нужны?

Пока я мысленно углублялся в пучины сомнений, лифт поднялся до предпоследнего этажа железобетонных барачков, в которых я провёл большую часть своей жизни.

Кровать, стол и пара стульев. Телевизор объёмного изображения, чтобы отвлечься от будничной серости. Простенькая кухня, что служит мне и столовой. Зайдя в единственную жилую комнату, я упал на кровать. Достал из карманов затычки, одновременно желанные и пугающие из-за своих возможностей. В последний раз задумался — стоит ли делать это? Казалось, какая-то мысль сидит глубоко внутри меня и ждёт, пока моё сознание расширится достаточно, чтобы принять её... Но что, если всем начинающим наркоманам так кажется?

Вытащить и выбросить — (59)

Включить — (6)

58

Предусмотрев темноту, взял фонарик, но он оказался не нужен — всё залито светом. Интересно, зачем он, если здесь не бывает людей? Может быть, дешевле освещать, чем прилаживать камерам роботов приборы ночного видения... Не знаю. Всё выглядело странно и чуждо.

В шаге от меня оказалась производственная лента, несущая сотни тортов, булок и желе. Конечной цели не было видно — она заворачивала за угол. Зато я увидел место, где лента начинала путь... И очень об этом пожалел.

Меня едва не вывернуло на ленту с бисквитами. В ёмкости заливалась скользкая зеленовато-белая субстанция, которая после нагревания отвердевала и принимала нужную форму. Слипаясь комьями, бурля и переливаясь всеми оттенками рвоты, она выглядела просто отвратительно. Из этой гадости состояло всё — тесто, вафли, шоколад, вишни, изюм и чернослив. Точнее, то, что выдавали за тесто, шоколад и чернослив.

Ещё секунд десять я стоял, пытаюсь переварить мысль о том, что все ингредиенты, вся еда на прилавках — буро-зелёная гадость после термических и ещё каких-то обработок.

Что единственное блюдо, которое я в своей жизни пробовал — эта искусственная, гадкая и совершенно несъедобная с виду масса. Ну и добавки вкусовых модификаторов с красителями, само собой. Не желая больше смотреть на эту жиденькую грязь, на глазах превращающуюся во вполне аппетитные вещи, я развернулся и пошёл по направлению движения производственной ленты.

○ В дальний угол цеха — (51)

59

Я отказался от стимулятора. Пусть кто другой прозябает в иллюзии кайфа.

Буду смотреть на мир трезвым взглядом. Правда, без наркотических очков вселенная вовсю обнажает свой геморройный зад. Придя с работы и забывшись в симуляторе пива, я смотрю в окно и вижу заводы, производящие ресурсы на благо людей. Не надевая блаженные очки, вижу пустое перепроизводство и думаю — зачем?. Ведь, при развитии автоматизации, десяти-двадцати процентам людей достаточно работать, чтобы кормить остальных.

Так зачем? Чтобы чем-то занять людей? Ведь не занятые по горло делами, они начинают задумываться. Не согнутый тяжким трудом человек выпрямляется во весь рост. Он оглядывается и замечает, что связан путами системы. Видит, что путы проржавели и сгнили, что хозяин цепей стоит на краю пропасти. Достаточно лёгкого толчка.

Но полетят ли вслед за хозяином кандалов те, кто прикованы к ним? Это восставший не видит — слишком высоко задирает голову и не замечает, что цепь давно обвила всё его тело.

Но если не сгибать всех изнурительным трудом — что делать освободившимся восьмидесяти процентам людей? Всю жизнь бездельничать не каждому по душе. Так что же, нам только и остаётся. что бесконечно работать, не видя в этом великого смысла? Производить и перепроизводить вещи и самих себя?

○ И только?! — (41)

— Здравствуй, Тирам, — зайдя в камеру в сопровождении охраны, поздоровался джентельмен в белом костюме. Тот самый, что продал мне розу. Что он здесь делает?

— Ты думаешь, что победил или хоть чего-то добился... — сказал господин покачал головой. — На самом же деле, твои результаты равны нулю.

— А как насчёт того, что многие люди начинают сажать розы у себя во дворах? Они увидели цену жизни и настоящим вещам.

— Это пройдёт. Дух протеста уляжется. Тем более, что мы объяснили твою глупую диверсию желанием отравить всех и вся. Ещё аргументы?

— Я изменил себя, — выкрикнул я, привязанный несколькими верёвками к больничной кушетке.

— Нет, — безмятежно отозвался джентельмен и достал перочинный нож. — Позволь перед казнью кое-что показать. Ведь преступник не должен погибать с лёгкой душой, верно?

Он наклонился, схватил мой палец и чиркнул по нему ножом.

От неожиданности я вскрикнул, ведь за все 32 года жизни не получил ни одного раны. Надо же умудриться сделать это на последних минутах жизни! Но, спустя секунду, я уже не мог издать ни звука. Крик застрял в горле, встав там холодным комом ужаса.

Из моего пальца, вместо крови, текла скользкая бледно-зелёная жижа.[Публичная страница автора]

Началась сверхурочная работа.

Ночами напролёт в цеху оставался только я, терминалы и суперкомпьютеры Авто-

Кондитера, да ещё мотающийся туда-сюда охранный робот, похожий на собачку с колёсами. Каждый раз, когда пёс проезжал мимо меня, он издавал скрежет, отдалённо напоминающий собачье рычание. Такой похожий на настоящий и до жути иной. Будто внутри этой железки закована несчастная исковерканная собачья душа.

Иногда я просто валился с ног — но не останавливался, ибо чувствовал, что могу наткнуться на нечто важное. Казалось, что рецепт маминых сливок близок настолько, что вкус детства уже почти чувствуется. Я смешивал ингредиенты, с помощью которых можно получить любой вкус. Подбирал пропорции и пробовал варианты обработок. Регулировал по очереди, процент за процентом: после каждого шага ждал, пока закончится создание хотя бы пары грамм сливок. Дегустировал и определял дальнейшее направление изменений.

Приходил домой совершенно измотанный, падал мешком на кровать, просыпался через пять-шесть часов и шёл в цех.

Ничем не выдающимся утром, недели через две после начала работы над рецептом, я продегустировал очередную порцию и охнул. Это было оно. Тот самый вкус детства! Быстро сохранив в системе результат, отправил запрос системе.

«Что это?» — голос Авто-Кондитера в голове. Всю жизнь эти голоса, а я никак не привыкну.

— Слушай, железка. Ты помнишь, я недельку назад говорил о непревзойдённых сливках? Я смог их синтезировать!

«Я помню всё, не забывайте. Вы говорите о составе, который только что сохранили в системе? Прошу прощения, но взбитые сливки с идентичным составом и методом приготовления уже есть в списке — ВС №847.»

○ — **Быть того не может!** — (34)

— Хм... — вопрос явно поставил Вишну в тупик, но он всегда быстро соображал и ответил почти сразу. — Хочешь чего-нибудь новенького и не такого опостылевшего?

Попробуй новое Аудио! Летишь от него, будто тебе гелий в уши закачали. Вот только ещё сильнее потом хочется снова послушать.

Мне вдруг стало противно от общества этого человека, хоть он и был моим другом.

Вишну не понял меня. Возможно, никогда и не поймёт. Я ведь спрашивал его о подлинном смысле покупок! А он мне про аудионаркотик. Пришлось залпом допить чай, чтобы скорей закончить разговор.

— Ладно, подумаю, на что её потрачу. Но сначала нужно её заработать, верно?

Напоминание о том, что премия ещё не в кармане и что для её получения ещё что-то сделать, выбило Вишну из колеи.

— Ты прав, работа не ждёт.

Уже придумал, что сделаешь на этот раз, Тирам?

— Поиграю с концентрацией взбитых сливок. А ты, как обычно, выдашь какой-нибудь свой старый рецепт за новую работу и сбежишь пораньше?

— Конечно. Больше времени у того, кто меньше работает, — с безмятежной улыбкой ответил Вишну.

— И как его проведёшь? — меня всегда удивляло, на что люди без серьёзных увлечений и хобби тратят свой досуг.

— Аудио послушаю, телевизор посмотрю — какая разница, в конце концов?

— Удачи. Смотри, не выдай что-нибудь в третий или четвёртый раз — точно заметят.

— Иди уже, играйся со своими сливками.

Кстати, Потребитель больше любит насыщенные, вафельно-шоколадные торты, — сказал Вишну с уверенностью на лице.

— С чего ты взял?

— Опыт, интуиция и немножко собственного вкуса, — Вишну явно имел совершенно другое представление о вкусах Потребителя.

А, может, у него он был просто не тот же, что у меня? ...а был ли вообще он у нас? — Ещё кое-что. Запомни, что торт — блюдо, которое следует подавать холодным.

— Разве не месть?

— Может и месть, чёрт его знает. Какая разница? Торт лучше подходит, как по мне. Ладно, давай приниматься за работу.

Я честно отработывал свою смену, подбирая оптимальную пропорцию и расположение в торте взбитых сливок, как вдруг мне кое-что вспомнились... Идеальный рецепт.

Сливки с лёгким цветочным привкусом, которые в детстве делала готовила мать. Они были невероятно вкусны, после них я облизывал тарелку и кланчил ещё, пока не заканчивались. В памяти даже остался их примерный рецепт.

Открыв терминал, я задумался — обращаться ли к Авто-Кондитеру.

— **АК, я помню отличный рецепт взбитых сливок. Можно добавить в Список? — (39)**

Экспериментировать втихую, получив несанкционированный доступ — (23)

Я подошёл к замызганному и разрисованному граффити подъезду, возле которого стоял неизвестный.— Слышь, ты! Есть Аудио? — выкрикнул мне в лицо паренёк. Громкий говор из-за плохого слуха — обычный симптом для пристрастившегося к аудионаркотику.— Нет, извини, — отозвался я, какой-то частицей души сожалея, что не могу ему помочь. Но большая часть натуры кипела негодованием и отвращением. Не очень-то просто сочувствовать здоровому и сильному человеку с личностью, что уже разлагалась, источая трупную вонь.

Интересно, кто больше виноват в моральном падении таких, как он: государство, разрешающее и поощряющее Аудио, или он сам? Что есть первопричина — сильная система или слабый человек?

Пока я задумывался над этим вопросом, паренёк поднял с асфальта разбитую бутылку. Трясущейся рукой он взялся за горлышко. Острые края смотрели мне прямо в живот.— Это что ещё такое? — возмущённо воскликнул я.

— Не видишь? — усмехнулся парень, внутри которого сидел мертвец. — Розочка. Как... Как роза, правда? Видишь лепестки?

Наркоман истерически рассмеялся. Я струсил — ему-то нечего терять, а вот мне ещё пожить бы... Потянулся в карман, достал несколько мелких купюр и протянул парню.

Наркоман почему-то перестал смеяться и вмиг посерьёзnel. Его взор стал задумчивым, перестав быть просто угрожающим взглядом исподлобья.

— Уже лучше. — сказал он и взял купюры. Парень развернулся, и скрылся в паутине переулков, сказав на прощанье уже совсем другим тоном:— Розочка, роза... Она смертоносна и прекрасна. Запомни это.

○ Уйти от странного парня — (56)

64

Придя на работу, как обычно, переоделся в комбинезон и перекинулся парой слов с Вишну.

— Слышал или нет, не знаю, — начал друг. — Там интересный новичок у босса на собеседовании.

— То есть?

— В твоём вкусе, дружок, — сказал Вишну и подмигнул мне.

Он ушёл, оставив меня наедине с вопросами. Нужно взглянуть — что же это за новичок? Изнемогая от любопытства, я ждал под кабинетом босса. Спустя полчаса дверь открылась, а изнутри вышла...

Она была необычна и по-своему чудесна. Очень чувственная, прелестная и немного томная. Со слегка приподнятой бровью и уголком рта, девушка будто насмеялась над миром. Вся в тёмном, но не мрачная. Настоящая.

— До... Добрый день, — заикаясь, сказал я. — Я Тирам Снайдер.

— Здравствуй, — сказала она, приподняв и другой уголок тонких губ. — А я Варда. Редкое имя, правда? Я египтянка.

Неясно, что развеселило девушку, но зазвенел её негромкий смех.

— Ах, так это про вас говорил начальник. Босс попросил вас быть моим наставником. Будете учить искусству кондитера?

Не знаю, соглашаться ли брать эту стажёрку. На это кондитерство мне плевать, но вот... Можно ли с помощью чужого человека познать себя и найти настоящие ценности? Поможет ли мне кто-то другой лучше, чем я сам?

— **И без вас хватает забот.** — (74)

— **Почему бы нет?** — (25)

65

Я разозлился и пошёл в контратаку:

— Вижу, ты в этом спец. А откуда ты знаешь, как настоящие цветы должны выглядеть? Может, нюхал, покупал? Или даже выращиваешь? Думаешь, Полиция Пресечения не задаст тебе эти вопросы?

Охранник тут же стушевался и беззвучно зашевелил ртом, пытаясь собраться с мыслями. Я, уже будучи уверенным в победе, вежливо послал его и пошёл дальше. Хорошо, что роботизированную охрану пока что используют только ночью. Машину я бы вряд ли обвёл вокруг пальца.

Вооружившись гаечным ключом, отвинтил часть металлической стенки, отделяющей «человеческую» часть цеха от той, где велось производство. Часть, в которой люди обслуживают машины от части, в которой эти машины создают людям пищу. Так кто же из нас кому принадлежит? Может, мы — собственность устройств, если так от них зависим?

Металлический стон вскрываемой стены показался мне почти человеческим. Вот я и в святая святых производства — здесь бывают только инженеры, да и те постепенно заменяются Автоматическими Ремонтниками. Я же в этой части, ясное дело, никогда прежде не бывал.

Вперёд — (58)

Девушка взяла протянутый цветок. Перебирая руками по стеблю, она тихо сказала мне:— Тебе нужна суть... Ну и ладно. Главное, что ты увидел во мне что-то настоящее. А ещё я держу живую, настоящую розу! Чего ещё можно желать от существования?

Варда выбрала самый большой шип и примерила розу к руке.

— Разве можно сделать это лучше? — воскликнула она, размахнулась и изо всех сил резанула шипом по тыльной стороне руки. Вены вскрылись вдоль.

От того, что произошло потом, появилось желание кричать и биться в судорогах. Я хотел выцарапать себе глаза, чтобы не видеть этого, но ужас сковал движения намертво.

Вместо крови капала склизкая бело-зелёная дрянь.

— Вкратце: Вишну, это роза — роза, это Вишну, будьте знакомы. Купил её, чтобы подарить Варде. Да, цветок настоящий. Достал на чёрном рынке.

Челюсть Вишну, упавшая с момента входа, не приподнялась ни на йоту.

— Настолько понятно, что информационный вакуум вырос ещё немного. Зачем покупать настоящий цветок? Посмотри на эти острые шипы! Как Варда отреагирует? Вокруг нас ничего острого, ядовитого или ещё каким-нибудь образом опасного почти не осталось — а ты предлагаешь дарить ей вот это?

— Именно.

— О чём ты вообще думал?

— А о чём думаешь ты, Вишну? Не думал о том, что мы всегда выбирали предложенные вещи из краткого Списка безвредных, искусственных, почти одинаковых... Чего? Что из себя вообще представляют эти вещи? Что олицетворяют и из чего сделаны? Во всём, что видим вокруг себя, нет ни смысла, ни души, как бы банально ни звучало.

Убеждая его и самого себя, я продолжил, отчаянно жестикулируя и нарезая круги по комнате:

— Так почему бы не добавить нечто настоящее, украсить хоть кусочек мира настоящей розой? Живая и своеобразная красота, не упрощённая и не укрощённая. Да, у неё есть шипы, такая уж она. У каждой хорошей вещи должна быть острая изюминка, друг мой.

— Кажется, я начинаю понимать твои чувства, — медленно произнёс Вишну, наклонившись над цветком и жадно втягивая воздух вокруг него. — Какой аромат!

— Знаю-знаю, — я перебил друга, спеша излить накопившиеся мысли. — И знаешь, что забавно? Ведь все ароматизаторы роз пахнут гораздо ярче и выразительнее, но и мне, и тебе, куда больше понравился этот лёгкий, едва ощутимый аромат.

— А я всю жизнь думал, что больше — значит, лучше.

— Нет, Вишну. Лучше — значит, лучше.

— Великолепная фраза, маэстро мысли! Долго придумывал? — снова принялся язвить. Он мне больше нравился, когда был под первым впечатлением от розы.

Я прекратил ходить по комнате. Вспомнил о том, где находится цветок, принялся искать глазами другую ёмкость, куда можно было бы его поставить.

— Знаешь, а ведь раньше на могилы людей клали цветы. — задумчиво произнёс Вишну.

Я настороженно задал встречный вопрос:

— К чему ты это?

— Да к тому, что роза в вазе с прахом, по-моему, к месту. Красиво и символично. Твоя бабушка была бы не против.

○ — Хм... Возможно. Но разговор не о том. — (35)

Не помню, как поднялся с колен и брёл по улицам. Всё было в тёмном тумане безнадежности. Запомнил, как оказался у магазина Аудио и зашёл внутрь. Очнулся уже у прилавка. Камеры наблюдения Автоматического Продавца и глаза продавца-консультанта наблюдали за мной. Ну что же, подумал я, если уж настолько в себе разочаровался — можно и последовать совету Вишну.

Фразы «Чем могу помочь?» из уст живого человека и искусственного помощника, прозвучали в унисон. Я обратился к человеку..

— Давненько не слушал аудионаркотик, не в курсе, какой сейчас лучше.

Брови молодого продавца взлетели вверх.

— Что? — его голос выражал искреннее удивление. Ещё он наверняка удивился, что я обратился к нему, а не сразу к машине — ведь она лучше знает ассортимент, характеристики каждого устройства, может гораздо быстрее предложить клиенту оптимальный для него товар и обслужить в целом. Этот паренёк был здесь больше данью традиции и просто для того, чтобы не быть безработным — впрочем, как и я в своём цеху. — продолжил он. — Оно не вредит здоровью, повышает тонус и настроение, способствует большей работоспособности! Если не слушаете постоянно — значит, вам плевать на то, как вас воспринимают окружающие — весёлым и бодрым, или хмурым, задумчивым и уставшим!

Я хотел сказать, что мне действительно плевать — но боялся, что после этого он вообще перестанет со мной говорить. И, судя по тому, как он серьёзно к этому относился, он мог даже написать донос о неподобающем поведении в обществе.

Тогда проблем не оберёшься.

— Нет, конечно же. Просто небольшой перерыв.

— Для вас ещё не всё потеряно. Вы просто обязаны купить новую модель от Sellheiser!

Снова не стал говорить о том, что впервые слышу это название и понятия не имею, почему должен, недолго думая, покупать эту модель. Просто потому, что на ней написано «Sellheiser»?

— Пожалуй, я её возьму. — прозвучал мой обречённый голос.

Цена, тут же выданная Автоматическим Продавцом, должна была испугать... Но мне было всё равно. Это около восьмидесяти процентов моей премии. Приложил руку к терминалу оплаты, убеждая себя в том, что ничего страшного здесь нет. Ведь удовольствие стоит того, чтобы вкалывать. Верно?

— Спасибо за покупку. Заходите ещё! — просиял работник магазина.

○ **Домой** — (57)

— Ага, — только и выдохнул Вишну.

На столе стояла роза — распустившаяся, высокая, вызывающе-алая вверху и нежно-зелёная снизу. Роса лежала на её лепестках и листьях, едва касаясь, будто не была уверена, что достойна окропить своей влагой этого шахиншаха цветов. Роза выглядела в моей простецкой, невзрачной квартирке гостем из иного мира... Живого и яркого, в котором нет места серости блочных домов, искусственной пище и ненастоящему пойлу.

— Дааа... — только и смог ответить я. Будь у меня волосы, они встали бы дыбом — настолько поразило увиденное.

Постояв немного в почтительном молчании, мы поставили пакеты и сняли верхнюю одежду. Вишну открыл было рот, чтобы что-то спросить (видимо, где же я её достал), но не успел, потому что я резко выкрикнул:

— ТВОЮ МАТЬ!

— Что такое, Тирам? — переполошился Вишну.

— Роза! Бабушка! Какого чёрта?!

— Прекрати визжать, о чём ты?

— Это ваза с прахом моей бабушки! Они налили туда воды и поставили розу! — моему возмущению не было предела.

Лицо Вишну со скоростью звука стало сменять выражения веселья, почтительной скорби и абсолютного непонимания происходящего.

— Сейчас всё объясню, прекрати выражать лицом столько разных эмоций — разорвётся, — сказал я спустя минуту, слегка успокоившись.

— Кто «они»? Что это за цветок? Он действительно настоящий, или мне кажется?

— Да погоди ты, сказал же.

Я уселся в кресло, открыл пивную банку и около минуты сидел, наслаждаясь тем, как Вишну мучается в неведении.

○ — **Раскрою карты.** — (72)

— Да зачем мне отвечать, если ты всё врёшь, железяка? У меня были личные мотивы. Не собирался больше никому рассказывать о гложащих только мою душу мыслях и сомненьях, о причинах своих действий. Мог бы попытаться стать мессией, нести в мир собственные идеи и идеалы, как и предлагал Вишну... Но тогда нас бы просто упрятали до конца жизни, а за всеми, кто проникся моими речами, установили бы постоянное наблюдение. За одиночные проступки наказывают куда мягче, чем за попытку внесения смуты в общество. Но даже если бы не наказывали за внесение смуты вовсе — не хотел никому говорить. Ведь я не знаю, то ли проблема в моём восприятии окружающего, то ли в самом мире.

Не могу даже толком обрисовать виденье своего мира, который должен был бы появиться на руинах нынешней обыденности, вздумай я поднять массовый протест. У меня было лишь смутное ощущение неправильности всего, вокруг происходящего. Которое я решил оставить при себе.

«Где вы добыли орудие преступления?» — режет по душе ржавым металлом.

— Что? Какое ещё орудие преступления, железяка?

«Где вы взяли цветок?»

На этот вопрос мне было что отвечать — а электрические разряды становились всё сильнее... В конце-концов, они редко продавали предметы искусства, цветы, лекарства и прочие прекрасные или полезные вещи. Основной графой прибыли чёрного рынка были старые наркотические вещества и настоящий алкоголь. Может и лучше заменителей, но не слишком-то и жалко.

Да и джентельмена в белом я почему-то видел в полицейской машине... А вдруг он не раскололся, а я его предам? Или он был в ней вовсе не пленником?

К тому же, я могу получить поблажку и слабенькое наказание.

Выдать подпольную точку — (19)

Молчать — (22)

Началась сверхурочная работа. Приходилось пробираться в цех ночью, и работать над сливками только под покровом тайны.

Ночами напролёт в цеху оставался только я и отключенные мной от серверасуперкомпьютеры Авто-Кондитера, да ещё мотающийся туда-сюда охранный робот, похожий на собачку с колёсами.

Каждый раз, когда пёс проезжал мимо меня, он издавал скрежет, отдалённо напоминающий собачье рычание. Такой похожий на настоящий и до жути иной. Будто внутри этой железки закована несчастная собачья душа.

Иногда я просто валился с ног — но не останавливался, ибо чувствовал, что могу наткнуться на нечто важное. Казалось, что рецепт маминых сливок близок настолько, что вкус детства уже почти чувствуется.

Я смешивал ингредиенты, с помощью которых можно получить любой вкус. Подбирал пропорции и пробовал варианты обработок. Регулировал по очереди, процент за процентом: после каждого шага ждал, пока закончится создание хотя бы пары грамм сливок. Дегустировал и определял дальнейшее направление изменений. Приходил домой совершенно измотанный, падал мешком на кровать, просыпался через пять-шесть часов и шёл в цех.

Ничем не выдающейся ночью, через недельку после начала работы над рецептом, я продегустировал очередную порцию и охнул. Это было оно. Тот самый вкус детства! Быстро сохранив в системе результат, отправил в базу данных поисковый запрос. Но его, как назло, его перехватила система, приняв за вредоносный код. Вся таинственность насмарку! «Что это?» — голос Авто-Кондитера в голове. Всю жизнь эти голоса, а я никак не привыкну.

— Слушай, железка, я последнюю неделю работаю над новыми сливками. Неповторимый вкус, который передавался в моей семье из поколения в поколение. Я сумел их синтезировать! «Вы говорите о составе, который только что сохранили в системе? Прошу прощения, но взбитые сливки с идентичным составом и методом приготовления уже есть в списке — ВС №847.»

○ — **Не может быть! Проверь ещё раз.** — (34)

— Вкратце: Вишну, это роза — роза, это Вишну, будьте знакомы. Купил её, чтобы использовать в качестве украшения для лучшего моего торта. Да, цветок настоящий.

Достал на чёрном рынке.

Челюсть Вишну, упавшая с момента входа, не приподнялась ни на йоту.

— Настолько понятно, что информационный вакуум вырос ещё немного. Зачем украшать какой-то торт настоящим цветком? Он, я уверен, несъедобен — к тому же, посмотри на эти острые шипы! Как Потребитель отреагирует на это, не подумал?

Вокруг нас ничего острого, ядовитого или ещё каким-нибудь образом опасного почти не осталось — а ты предлагаешь украсить вот этим пищу?

— Именно.

— О чём ты вообще думал?

— А о чём думаешь ты, Вишну? Не думал ли о том, что мы всегда выбирали украшения для наших кулинарных изысканий из краткого списка безвредных для любого, искусственных, почти одинаковых... Чего? Что из себя вообще представляют эти абстрактные «украшения»?

Что олицетворяют и из чего сделаны? Во всём, что видим вокруг себя, нет истинной души, как бы банально ни звучало.

Убеждая его и самого себя, я продолжил, отчаянно жестикулируя и нарезая круги по комнате: — Так почему бы не добавить нечто настоящее, украсить хоть кусочек мира настоящей розой? Живая и своеобразная красота, не упрощённая и не укрощённая. Да, у неё есть шипы, такая уж она. У каждой хорошей вещи должна быть острая изюминка, друг мой.

— Кажется, я начинаю понимать твои чувства, — медленно произнёс Вишну, наклонившись над цветком и жадно втягивая воздух вокруг него. — Какой аромат!

— Знаю-знаю, — я перебил друга, спеша излить накопившиеся мысли. — И знаешь, что забавно? Ведь все ароматизаторы пахнут гораздо ярче и выразительнее, но и мне, и тебе, куда больше понравился этот лёгкий, едва ощутимый аромат.

— А я всю жизнь думал, что больше — лучше.

— Нет, Вишну. Лучше — значит, лучше.

— Великолепная фраза, маэстро мысли!

Долго придумывал? — снова принялся язвить. Он мне больше нравился, когда был под первым впечатлением от розы.

Я прекратил ходить по комнате. Вспомнил о том, где находится цветок, принялся искать глазами другую ёмкость, куда можно было бы его поставить.

— Знаешь, а ведь раньше на могилы людей клали цветы. — задумчиво произнёс Вишну.

Я настороженно задал встречный вопрос:

— К чему ты это?

— Да к тому, что роза в вазе с прахом, по-моему, к месту. Красиво и символично.

Твоя бабушка была бы не против.

○ — Хм... Возможно. Но разговор не о том. — (50)

Как только поздоровался с АК, подбежал мой лучший друг — Вишну. Его сопровождали извечные атрибуты: всклокоченная шевелюра, помятая, но идеально чистая одежда и широкая ухмылка гиены. Не могу иначе описать его улыбочку, однако ассоциация была очень прочной.

— Говоришь с голосами в голове, Девяносто Первый?

— Смешно, смешно, — отозвался я. — Я просил не называть меня так.

— Какие мы сегодня серьёзные. Держи свой чай. Кстати, слышал, что в список добавили новое тесто? Говорят, на три процента больше калорий.

— Серьёзно? Только в нашу кондитерскую, или повсюду? — от удивления я едва не опрокинул на себя чай, в последний момент вспомнив о стоимости химчистки. За пять лет, что я здесь работаю, Список редактировался только раз, когда из него убрали украшение, которое могло бы оскорбить чувства полных дам среднего возраста.

— Первые два месяца будет только у нас.

Представь, какие рекорды мы успеем побить. Не миновать нам премии, Тирам!

— Почётно, конечно; вот только на что нам её тратить?

— Ты будто свалился откуда-то. Еда, выпивка, походы к девицам! Ещё книги, кинотеатры, техника, поездки в дальние страны, — ответил Вишну, мечтательно глядя в даль.

Я поколебался, взвесил преимущества обладания деньгами и ответил, источая скептицизм:

— Вся еда и выпивка, сам знаешь, состоит из одного и того же. Вопрос в разной обработке и незначительных добавках.

Какой тогда смысл в дорогой пище? С девицами любовь всё равно натянуто-показушная, как и наша работа. Пришлось прерваться, сражаясь с заедающей застёжкой униформы. Вишну же отказался помогать, чтобы не показаться геем. Спустя минуту я продолжил:

— Книги мы сможем купить только выбрав из одобренного и «проверенного тысячелетиями» Списка. С кино та же история.

Техника и так окружает повсюду — некуда деваться. Разницы ощущений в поездках за рубеж и виртуальных путешествиях уже почти никакой. Так что купить, скажи мне?

○ — **Чего мне хотеть, Вишну?** — (62)

74

Вежливо отказался обучать девушку, после чего аргументировал позицию боссу. Она будет мешать работать и жить. Вдруг из-за неё не изобрету ещё один способ создания сливок, который был бы ещё быстрее и дешевле — сказал я ему. Начальник без возражений позволил работать самому. Настоящая причина в другом — вряд ли другой человек поможет мне найти то, что я ищу. Ведь я сам смутно понимаю, что это, а объяснять ещё кому-то... Разве что Вишну поймёт. Пытаясь найти себя, опять погрузился в рутину. Я быстро забыл о Варде, будто её и не было.

День за днём, неделя за месяцем. Кажется, я сошёл с ума. Одни и те же сцены проплывают передо мной каруселью: дом, работа, дом...

Больше так не могу. Нужно вырваться из замкнутого круга, оторвать глаза от мелькающего калейдоскопа будней. Я накопил денег и снова купил аудионаркодик. Может, это поможет убежать из будней?

○ **Лечь на кровать и включить Аудио — (6)**

75

Не знаю, почему мне необходимо выполнять именно эту работу. И без понятия, перед кем стоит священный долг — её выполнять. Но, говорят, он стоит.

И ещё: повсюду слышу голоса в голове. Нет, я не сумасшедший — просто это голоса стоящих вокруг суперкомпьютеров. Они управляют производством и, по сути, выполняют вместо нас реальную работу. Разработчики сочли непрактичным решением установку повсеместных динамиков, так что, бесшумные волны транслируются сразу в мозг, воспринимаясь, как звук. Или нет никаких мозговых волн? Может, весь мир просто сошёл с ума? Ну а как иначе, если мы слышим голоса бездушных, безжизненных вещей, которым говорить не было дано природой? Зачем кондитерской фабрике разговаривать?

Как раз переодевался в рабочий комбинезон, когда волна вторглась в мозг и мягко прошелестела: «Сладкого утра, работники. Через пятнадцать минут вы приступаете к работе».

Отвечать полагалось только одно:

○ — **И вам сладкого утра, Авто-Кондитер. — (73)**